
Развод
С ГЕНЕРАЛОМ.
Я вырастила
твою дочь
ОЛЕСЯ РУДАНСКАЯ

Олеся Руданская

Развод с генералом. Я вырастила твою дочь

https://litres.ru/74709739
SelfPub; 2026

Аннотация

— Алина, отойди. Сначала сфотографируем Соню с родными родителями.

Девятнадцать лет я растила девочку, которую первая жена моего мужа оставила трехлетней. Бессонные ночи, болезни, школьные праздники, первые слезы и победы — все это мы пережили вместе. Соня называла меня мамой.

А на ее выпускном муж-генерал попросил меня выйти из семейного кадра.

Вечером он признался: уже полгода изменяет мне с первой женой. Теперь он хочет развода и собирается «восстановить настоящую семью».

Мне предложили уйти тихо. А потом попросили реже общаться с дочерью, чтобы не мешать ее родной матери занять мое место.

Но разве девятнадцать лет любви можно просто вычеркнуть?

В сорок три я осталась без мужа и привычной семьи. Мне предстоит начать жизнь заново, вернуться к собственным мечтам и позволить другому мужчине полюбить меня.

А когда генерал поймет, кого на самом деле потерял, он захочет вернуть все обратно.

Только на этот раз решать будет не он.

Содержание

Глава 1. Шаг в сторону 5
Глава 2. Я не соглашалась 62
Глава 3. Восемь месяцев 114
Конец ознакомительного фрагмента. 147

Олеся Руданская
Развод с генералом. Я вырастила твою дочь

Глава 1. Шаг в сторону

— Мам, только не говори, что ты опять собираешься меня кормить.

Соня стояла посреди кухни в домашних шортах и моей старой футболке, с полотенцем на голове. Она приехала полчаса назад, успела занять ванную, разбросать по прихожей три сумки и дважды спросить, не звонил ли отец.

На часах было половина девятого.

— Я собираюсь предложить тебе завтрак, — ответила я. — Это разные вещи.

— Я съела йогурт.

— Когда?

— Пока ехала.

— В такси?

— Мам!

Я поставила перед ней тарелку с омлетом.

Соня посмотрела на меня с таким выражением, будто я требовала от нее подписать договор на пожизненное пита-

ние.

— Ладно. Но половину.

— Сама себе отрежешь.

Она взяла вилку, попробовала омлет и тут же потянулась за хлебом.

Я улыбнулась и отвернулась к раковине.

Сегодня моя дочь получала диплом.

Двадцать два года. Я все еще с трудом привыкала к этой цифре. Совсем недавно, казалось, она стояла перед зеркалом в первом школьном сарафане и требовала снять белые банты. Теперь у нее было собственное жилье, пусть и съемное, подруга, с которой она делила расходы, подработка в проектной студии и совершенно взрослые представления о том, как следует устраивать городские пространства.

Вчера Соня полчаса объясняла мне, почему переделка старого двора возле Дома культуры требует не красивых скамеек, а нормального освещения и удобного прохода для людей с колясками.

Я слушала и гордилась.

Сама я умела только замечать, когда где-нибудь не хватало поручня или когда новые ступеньки оказывались слишком высокими. Соня видела все пространство целиком.

— Папа сегодня странный, — сказала она, отложив вилку.

— Чем?

— Не знаю. Уже два раза написал, чтобы я не опаздывала.

— Твой отец считает опоздание личным оскорблением.

— Я ни разу не опаздывала на экзамены.

— Поэтому и окончила университет.

Соня хмыкнула, но улыбка быстро исчезла.

— Вы вечером надолго останетесь?

Я повернулась.

— На банкете?

— Да.

— Посмотрим. У тебя ведь еще будут фотографии с одногруппниками. Не хочу, чтобы мы с папой сидели над душой.

— Ты никогда не сидишь над душой.

— Неправда. В прошлом году ты утверждала обратное.

— Потому что ты трижды спросила, поела ли я.

— Четырежды. Я хорошо помню.

Она улыбнулась, а потом опять посмотрела на телефон.

Я заметила это.

— Сонь, что-то случилось?

— Нет. Просто день такой.

— Волнуешься?

— Немного.

Я подошла, обняла ее за плечи и поцеловала в макушку. Волосы под полотенцем были влажными.

— Все уже позади. Диплом защищен, оценки стоят. Сегодня тебе остается только красиво улыбаться и терпеть родственников с фотоаппаратами.

— Мам, можно я тебя кое о чем попрошу?

— Конечно.

Соня помедлила.

В прихожей хлопнула дверь.

— Девочки, вы готовы? — послышался голос Вадима.

— Еще два часа! — крикнула дочь.

— Два часа у вас превращаются в пять минут перед выходом. Я это знаю.

Вадим вошел на кухню в светлой рубашке и темных брюках. Пиджак он держал на сгибе локтя. Сегодня он был без формы: дочь попросила не превращать вручение диплома в официальное мероприятие.

Я всегда любила смотреть на него в такой одежде.

Вадим был высоким, широкоплечим мужчиной, который и в пятьдесят один год сохранил привычку следить за собой. Седины у висков стало больше, но она ему шла. Он коротко стригся, регулярно плавал, а каждое утро начинал с упражнений, даже когда возвращался со службы поздно вечером.

Муж наклонился, поцеловал дочь в щеку.

— Ну что, дипломированный специалист?

— Пока нет. У меня еще нет бумажки.

— Успеешь получить.

Он взял из кофемашины чашку, которую я приготовила ему заранее, и посмотрел на экран телефона.

Я хотела спросить, зачем он вернулся так рано. Накануне Вадим говорил, что с утра заедет в учебный центр и освободится только к одиннадцати.

Но он уже набирал сообщение.

— Ты все успел? — спросила я.

— Что именно?

— На службе.

— Да, разобрался.

— Тогда можешь помочь мне с коробкой в спальне. Я приготовила Соне подарок.

Он поднял глаза.

— Какой?

— Альбом. Я тебе показывала фотографии на прошлой неделе.

— А, этот.

Вадим поставил чашку.

— Алина, давай вечером. Мне нужно сделать один звонок.

— Хорошо.

Он вышел на балкон.

Я посмотрела ему вслед, потом на Соню.

Дочь ковыряла вилкой остатки омлета.

— Ты что-то хотела спросить, — напомнила я.

— Потом, мам. Мне надо платье погладить.

— Я уже погладила.

— Ну конечно.

Она поднялась, поцеловала меня в щеку и убежала в спальню.

Я убрала тарелки.

Вадим разговаривал на балконе негромко. Через закры-

тую дверь слов было не разобрать.

Последние месяцы он часто так делал. Раньше служебные звонки принимал где придется, мог при мне обсуждать расписание, какие-то приказы и командировки. Теперь все чаще уходил в соседнюю комнату или на балкон.

Я однажды спросила, не случилось ли чего-нибудь.

Он ответил, что устал от постоянных разговоров по работе и хочет хотя бы дома иметь немного тишины.

Мне это показалось понятным.

У нас за девятнадцать лет брака были разные периоды.

Случалось, он неделями возвращался раздраженным. Случалось, я сама не желала ни с кем разговаривать после нескольких часов занятий с детьми. Мы научились не приставать друг к другу без необходимости.

Я считала это одним из преимуществ долгого брака.

Теперь, вспоминая то утро, я пыталась определить, когда именно перестала спрашивать мужа, что его беспокоит.

Но в тот момент меня гораздо больше занимала молния на Сонином платье.

— Мам! — раздалось из спальни. — Иди сюда!

Я взяла с подоконника швейный набор.

— Что опять?

— У меня спина не застегивается.

— Спина у тебя в порядке. Это платье.

Соня стояла перед большим зеркалом. Темно-синяя ткань облегала ее фигуру, открывала плечи и красиво ложилась

складками у талии. Дочь выбрала платье сама, три недели ждала доставку и дважды собиралась вернуть заказ.

Мне оно понравилось сразу.

— Не дергайся, — попросила я.

— Я не дергаюсь.

— Ты подпрыгиваешь.

— Потому что ты мне волосы прихватила.

— Тогда перестань крутить головой.

Я осторожно освободила прядь, застегнула молнию и расправила ткань.

Соня посмотрела на отражение.

— Нормально?

— Красиво.

— Не слишком взрослое?

Я рассмеялась.

— Тебе двадцать два.

— Это не ответ.

— Очень красивое платье. И оно тебе идет.

Она повернулась ко мне.

— Ты сегодня тоже наденешь синее?

— Хотела.

— Надень. Мы будем сочетаться.

— Серьезно? Ты еще не вышла из того возраста, когда стесняются одинакового цвета с матерью?

— Я уже вышла из всего, из чего надо.

Соня обняла меня за шею.

От нее пахло моим шампунем.

— Спасибо, мам.

— За молнию?

— За все.

Я погладила ее по спине.

— Для начала получи диплом. А то благодарность преждевременная.

Она фыркнула и отпустила меня.

Когда я вышла в коридор, Вадим уже закончил разговор.

— Слушай, — обратилась я к нему, — ты не мог бы после вручения забрать у меня альбом? Он тяжелый, я не хочу таскать его весь день.

— Какой еще альбом?

Я посмотрела на мужа.

— Тот, который показывала тебе неделю назад.

— А. Да.

Он потер лоб.

— Извини. Сегодня много всего.

— Ничего страшного.

— Только давай вручим его вечером. Сегодня у Сони и так будет куча подарков.

— Я и собиралась после банкета.

— Вот и хорошо.

Он подошел, коснулся моей талии, привычно поцеловал в щеку.

Я хотела прижаться к нему, как делала раньше, но он уже

отстранился.

— Мне нужно кое-что проверить в машине.

— Мы еще не готовы.

— Я подожду.

Вадим взял ключи и ушел.

Я осталась посреди коридора.

Наша семейная жизнь давно состояла из таких коротких разговоров. Кто куда едет, что купить, когда приедет мастер, во сколько забрать дочь с вокзала.

В этом не было ничего удивительного. Наверное, я даже гордилась тем, как хорошо у нас все устроено.

Мне не требовалось спрашивать мужа, будет ли он пить кофе. Я знала.

Ему не приходилось напоминать мне, где лежат документы.

Мы легко договаривались о повседневных вещах.

И все же последние полгода я иногда ловила себя на желании просто посидеть с ним вечером, не обсуждая ничьих планов.

Вадим стал чаще задерживаться, а я привыкла ужинать одна.

Я говорила себе, что у него ответственная должность.

И верила.

***

К университету мы приехали за сорок минут до начала церемонии.

Возле главного корпуса уже собралась толпа выпускников, родственников и преподавателей. Кто-то поправлял волосы перед зеркальцем телефона, кто-то ругался из-за забытых цветов. Молодой человек в белой рубашке пытался одновременно удержать три букета и стакан кофе.

Соня заметила подруг и сразу оживилась.

— Я побежала!

— Сумку оставь, — сказала я.

— Точно.

Она сунула мне небольшую серебристую сумочку.

— Мам, телефон только не потеряй.

— Я ответственная женщина.

— Ты в прошлый раз положила его в холодильник.

— Я искала место, где ты точно его заметишь.

Соня рассмеялась, поцеловала меня и убежала к одногруппникам.

Я смотрела, как она обнимается с высокой девушкой в зеленом платье, как показывает кому-то туфли и уже через минуту громко спорит о чем-то, размахивая руками.

Вадим встал рядом.

— Выросла.

— Да.

— Скоро и замуж выдавать.

— Пусть сначала устроится на работу.

— Работу она найдет. Девочка способная.

Я повернулась к нему.

— Помнишь, как она в первом классе собиралась стать ветеринаром?

— А потом врачом.

— Потом директором зоопарка. Чтобы никто не мешал ей лечить животных.

— Упрямство от меня.

— Конечно. От кого же еще.

Он улыбнулся.

Я поправила ему воротник рубашки. Привычное движение, которое делала сотни раз.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Чуть загнулся.

Вадим взял мою руку, убрал от воротника и огляделся.

— Пойду поздороваюсь с ректором. Мы знакомы.

— Хорошо. Я пока найду наши места.

В зале оказалось душно. Выпускники занимали первые ряды, родственники располагались позади. Я села ближе к проходу, положила на колени сумку с альбомом и открыла программу.

Сонину фамилию я нашла почти сразу.

Руднева Софья Вадимовна.

Несколько секунд просто смотрела на эти слова.

Мне вспомнился другой документ.

Девятнадцать лет назад я помогала Вадиму собирать бумаги для оформления Сони в детский сад. В одной из анкет была графа «Мать».

Он тогда замялся.

— Что писать?

— Веронику, — ответила я. — Она же мама.

Вадим посмотрел на меня и спросил:

— А ты не обидишься?

Я помнила собственное удивление.

Мы были женаты всего четыре месяца. Соня еще не называла меня мамой. Я не ожидала, что он вообще задаст такой вопрос.

— На что обижаться? — спросила я.

Позже выяснилось, что детский сад требовал еще и данные законного представителя. Вадим оформлял все сам, а я ходила знакомиться с воспитателями.

Тогда Соня носила короткие косички, ненавидела манную кашу и соглашалась пить молоко только из синей кружки.

В первый день она категорически отказалась оставаться в группе.

Я просидела с ней в раздевалке почти час.

— Ты придешь? — спрашивала она.

— Приду.

— Точно?

— Точно.

На следующий день она задала тот же вопрос.

На третий тоже.

Спустя несколько месяцев перестала спрашивать.

Я никогда не считала это особенным достижением. Про-

сто ребенок должен был знать, что за ним обязательно придут.

— Алина.

Я подняла голову.

Вадим стоял у нашего ряда.

— Ты чего задумалась?

— Вспомнила, как Соня в садик пошла.

Он усмехнулся.

— Ох, тогда нам досталось.

Я тоже улыбнулась.

— Особенно тебе. Ты ведь в это время был на учениях.

— Ну, я помню твои рассказы.

Он сел рядом, достал телефон.

Я хотела показать ему фамилию дочери в программе, но он уже печатал сообщение.

На сцене начали проверять микрофоны.

Церемония затянулась.

Ректор говорил об ответственности выпускников. Зав-кафедрой благодарил преподавателей. Молодой человек из первого ряда трижды поправил галстук и один раз уронил папку с документами.

Я смотрела на Соню.

Она сидела почти посередине. Иногда оборачивалась, находила нас глазами и улыбалась.

Когда назвали ее фамилию, я встала, даже не заметив этого.

Вадим потянул меня за руку.

— Алин, сядь. Ничего не видно тем, кто сзади.

Я опустилась обратно.

Соня вышла на сцену, получила диплом и пожала руку декану. Потом повернулась к залу.

Я успела сделать несколько фотографий, хотя руки заметно дрожали.

На третьем снимке дочь смеялась.

Этот кадр мне понравился больше остальных.

Вадим тоже снимал, но, когда Соня вернулась на место, убрал телефон и сразу проверил сообщения.

— Хорошо получилось? — спросила я.

— Что?

— Фотографии.

— Да, нормально.

Он показал мне экран.

На снимке Соня стояла возле декана, но лица почти не было видно. Вадим поймал момент, когда она наклонилась.

— Я тебе свои перешлю, — пообещала я.

— Давай.

Он посмотрел на часы.

Я решила, что он просто устал от длинной церемонии.

Когда официальная часть закончилась, все хлынули к выходу.

Соня появилась возле нас с дипломом в руках.

— Ну все! Теперь официально!

Я обняла ее так крепко, что она засмеялась.

— Мам, задушишь.

— Немного можно. По случаю праздника.

Вадим поцеловал дочь в лоб.

— Молодец, Софья Вадимовна.

— Спасибо, пап.

— Готова к настоящей жизни?

— Нет, но я уже записалась.

Мы рассмеялись.

Несколько минут все было так, как я представляла.

Соня показывала диплом, Вадим шутил, я пыталась сфотографировать их на фоне университетской колоннады. Дочь попросила меня встать рядом, и какой-то парень из соседней группы согласился сделать общий снимок.

Мы стояли втроем.

Вадим обнял меня за плечи. Соня прижалась с другой стороны.

Я запомнила это ощущение: теплое плечо дочери, рука мужа на моей спине, июньское солнце, от которого приходилось щуриться.

Я была счастлива.

Потом Соня увидела кого-то за моей спиной.

Ее улыбка изменилась.

Она выпрямилась, убрала руку с моей талии и тихо произнесла:

— Вероника пришла.

Я сначала даже не поняла, о ком она говорит.

Обернулась.

По дорожке от парковки к нам шла женщина с большим букетом светлых роз.

Стройная, в светлом брючном костюме и туфлях на невысоком каблуке. Волосы уложены крупными волнами. На плече небольшая кожаная сумка.

Я узнала ее не сразу.

Последний раз видела Веронику Ланскую почти десять лет назад. Тогда она неожиданно приехала на день рождения Сони, подарила дорогой планшет и уехала, не дождавшись окончания праздника.

С тех пор мы не встречались.

На старых фотографиях Вероника выглядела иначе. Но глаза у нее остались прежними.

Сонины глаза.

Дочь смотрела на нее, не двигаясь.

Вадим вдруг шагнул вперед.

— Вероника, здравствуй.

Он произнес ее имя спокойно, без малейшего удивления.

Женщина улыбнулась.

— Здравствуй, Вадим.

Она поцеловала его в щеку.

Это заняло всего секунду.

Потом Вероника повернулась к Соне.

— Поздравляю тебя, дорогая.

Дочь приняла букет.

— Спасибо.

Они обнялись.

Я стояла рядом с дипломом в руках. Соня успела передать его мне, когда увидела Веронику.

Я посмотрела на мужа.

Он не казался удивленным.

Наоборот, Вадим выглядел так, словно ждал ее появления и теперь мог наконец перестать поглядывать на часы.

Вероника заметила меня.

— Алина. Здравствуй.

— Здравствуй.

— Сколько лет.

— Давно не виделись.

Она кивнула.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом Вероника сказала:

— Соня мне рассказывала, сколько вы все сделали ради ее учебы. Спасибо тебе.

Я не нашлась с ответом.

Не из-за самих слов.

Из-за того, как легко она их произнесла, будто благодарила дальнюю родственницу, которая помогала девочке с уроками.

— Это был ее выбор, — сказала я наконец. — Она сама очень много работала.

— Конечно. Я вижу.

Вероника повернулась к дочери.

— Ты такая красивая. Можно я еще раз тебя обниму?

Соня улыбнулась растерянно, но шагнула навстречу.

Я отступила, чтобы не мешать.

Рядом проходили другие выпускники. Кто-то громко звал фотографа, девушка с красным дипломом плакала у матери на плече.

Я стояла возле колонны и пыталась понять, почему меня никто не предупредил.

Ведь Соня явно знала, что Вероника приедет.

Вадим тоже.

Только я собиралась провести сегодняшний день втроем.

— Алин, — обратился ко мне муж, — давай фотографа попросим. Он сейчас освободится.

— Хорошо.

Я посмотрела на дочь.

— Сонь, отдай мне цветы. Тебе неудобно будет держать все сразу.

Она передала букет.

Нашла глазами мою сумку.

— Мам, ты нормально?

— Конечно. Почему нет?

— Просто...

— Позже поговорим, хорошо?

Она кивнула, хотя явно хотела сказать что-то еще.

Фотограф подошел к нам через пару минут.

Мужчина лет сорока, с двумя камерами и терпеливым выражением лица.

— Так, семья выпускницы? Отлично. Давайте на ступеньки, там свет хороший.

Я поставила букеты на край широкой каменной тумбы, расправила платье и подошла к Соне.

Она сразу взяла меня под руку.

Фотограф поднял камеру.

— Так, у нас кто в кадре?

— Родители, — ответил Вадим.

Я посмотрела на него.

Он перевел взгляд с меня на Веронику.

— Алина, подожди немного. Давайте сначала Соню с родными родителями снимем.

Я не сразу поняла, что он просит.

— С кем?

Вадим чуть нахмурился.

— С родными родителями. С Вероникой и со мной. Потом общий сделаем.

Вероника стояла у нижней ступеньки, поправляя рукав пиджака.

Соня крепче сжала мою руку.

— Пап, мне нужна фотография с мамой.

— Сонь, никто не спорит. Сделаем все фотографии. Сейчас сначала одну втроем.

— Мы и так втроем.

Я почувствовала, как дочь прижалась ко мне плечом.

Фотограф опустил камеру.

Он был явно не готов разбираться в наших семейных обстоятельствах.

— Может, сначала всех вместе? — предложил он. — Потом отдельно.

— Конечно, — быстро сказала Вероника.

Вадим посмотрел на меня.

В его взгляде появилось знакомое выражение.

Я видела его десятки раз, когда в гостях кто-нибудь говорил лишнее, когда Соня в подростковом возрасте начинала спорить при посторонних, когда родственники не могли договориться о празднике.

Он ждал, что я помогу сгладить неловкость.

И я сделала то, что делала много лет.

— Да снимайтесь, — произнесла я. — Я пока цветы подержу.

— Мам, нет, — сказала Соня.

— Сонечка, все нормально.

Я осторожно освободила руку.

Сделала шаг в сторону.

Потом еще один, чтобы не попасть в кадр.

Вероника поднялась на ступеньки и встала рядом с дочерью.

Вадим положил руку Соне на плечо.

Фотограф снова поднял камеру.

— Отлично. Чуть ближе друг к другу. Девушка, улыбнитесь.

Соня не улыбнулась.

Она смотрела на меня.

Я подняла букет и помахала ей, пытаясь показать, что действительно не обижаюсь.

Фотограф сделал несколько снимков.

Потом позвал меня.

— Теперь все вместе.

Я вернулась на ступеньки.

Вероника встала с другой стороны Сони. Мы сделали общий снимок. Затем отдельно сфотографировались с дочерью.

Все происходило быстро, как и положено в день вручения дипломов.

Никто не повышал голоса.

Никто не сказал ничего откровенно грубого.

И все же я никак не могла забыть, как послушно отошла от собственной дочери.

***

В ресторан мы приехали к шести.

Соня заранее заказала небольшой зал на втором этаже. Там собирались выпускники ее группы с родителями, несколько преподавателей и друзья.

Я помогла поставить цветы в воду и нашла на столе кар-

точки с нашими именами.

Для Вероники место тоже было приготовлено.

Рядом с Вадимом.

Моя карточка стояла по другую сторону дочери.

Я задержала на ней взгляд.

Все было продумано заранее.

— Мам, ты что будешь пить? — спросила Соня.

— Воду пока.

— Могу попросить чай.

— Потом.

Она наклонилась ко мне.

— Нам нужно поговорить.

— Я понимаю.

— Я не знала, как...

Ее окликнула подруга.

— Соня, иди сюда! Нам надо с деканом сфотографироваться, пока он не ушел.

Дочь бросила на меня виноватый взгляд.

— Я быстро.

— Иди.

Я осталась возле стола.

Вероника разговаривала с Вадимом у окна.

Он что-то показывал ей на экране телефона.

Она смеялась.

Муж стоял близко, слегка наклонив к ней голову, чтобы слышать среди чужих голосов.

Так он обычно разговаривал со мной на семейных праздниках.

Я отвернулась.

Официант принес воду. Я сделала несколько глотков.

Вскоре рядом сел Вадим.

— Ну как тебе?

— Что именно?

— Все. Организация, ресторан.

— Соня молодец.

— Да. Сама все устроила.

Он развернул салфетку.

Я посмотрела на него.

— Почему ты не сказал, что Вероника приедет?

Вадим некоторое время молчал.

— Алина, сегодня праздник.

— Я знаю.

— Давай не сейчас.

— Я просто спросила.

Он наклонился ближе.

— Соня хотела ее пригласить. Я решил, что не стоит делать из этого событие.

— Для меня это было неожиданностью.

— И что? Она мать Сони. Имеет право поздравить дочь.

— Я разве сказала, что не имеет?

Вадим вздохнул.

— Тогда в чем проблема?

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что сама не могу ответить коротко.

Проблема была не в том, что Вероника приехала.

Я никогда не запрещала ей общаться с Соней.

Когда дочь была маленькой, именно я убеждала Вадима не отказывать первой жене в телефонных разговорах. Подбирала время, ставила рядом с ребенком стакан воды, если звонок затягивался. Объясняла Соне, что взрослые иногда живут в разных городах, но это не значит, что их нельзя любить.

Потом звонков стало меньше.

Соня росла.

Вероника присылала сообщения на Новый год, поздравляла с днем рождения. Иногда обещала приехать летом, но что-нибудь мешало.

Однажды Соня ждала ее на школьном концерте.

Тогда дочери было девять.

Она впервые играла на сцене серьезную пьесу и очень хотела, чтобы ее послушали обе мамы.

Вероника написала за два часа до начала, что не успевает на поезд.

Я помнила, как Соня сидела в раздевалке концертного зала, крепко сжимая чехол от нот, и делала вид, что ей все равно.

После выступления я купила ей мороженое.

Мы шли домой пешком, и дочь спросила:

— А ты точно никогда от нас не уедешь?

Я ответила, что уехать можно и на неделю, и на месяц. Главное — знать, что есть дом, куда возвращаться.

Она долго думала, потом взяла меня за руку.

Мне не хотелось вспоминать тот день сегодня.

Я посмотрела на Вадима.

— Ты мог предупредить меня.

— Да, наверное.

Он сказал это рассеянно.

Потом повернулся к мужчине, который подошел поздороваться, и разговор закончился.

Я осталась сидеть.

Мне стало стыдно за собственную обиду.

Передо мной был счастливый день дочери. Я должна была радоваться, что ее поздравляют люди, которые ей дороги.

Но одновременно мне хотелось выйти из ресторана, сесть в машину и уехать.

Я не сделала этого.

Когда Соня вернулась, я улыбнулась, спросила о преподавателях, посмотрела фотографии и даже согласилась попробовать салат, который она долго выбирала по меню.

Через час начались поздравления.

Родители вставали, говорили теплые слова. Кто-то волновался, кто-то читал заранее подготовленную речь с телефона.

Вадим поднялся одним из первых.

Он не любил длинные тосты, но выступать перед людьми умел.

— Дорогие выпускники, — начал он, — сегодня для вас заканчивается одна важная часть жизни. Хочу пожелать, чтобы знания пригодились вам не только в работе. Чтобы вы умели принимать решения и отвечать за них.

За столами одобрительно закивали.

Я слушала и невольно улыбалась.

Вадим говорил уверенно, спокойно, почти без пауз.

— А еще хочу сказать несколько слов о своей дочери. Соня с самого детства любила все переделывать. Помню, в первом классе она однажды нарисовала план нашей квартиры и объявила, что мы неправильно расставили мебель. Мы тогда только переехали, даже шкафы не успели собрать.

Раздался смех.

— Я спросил ее, чем плоха нынешняя расстановка. А она объяснила, что если переставить стол, всем хватит места и никто не будет задевать дверцу холодильника. В итоге мы сделали именно так.

Соня рассмеялась.

— Папа, я это помню!

Я тоже помнила.

Мы тогда переехали в очередной гарнизон.

Вадим уехал на учения через два дня после получения ключей. Я осталась с Соней среди коробок и разобранной мебели.

У дочери поднялась температура. Врач сказал, что ничего серьезного, обычная простуда, но первые дни я почти не спала.

Когда ей стало лучше, она принялась чертить нашу кухню на обороте старого календаря.

Соня предложила передвинуть стол.

Я согласилась, потому что это действительно было удобно.

Мы переставляли его вдвоем, а потом долго отмывали следы от ножек на полу.

Вадим вернулся через неделю и очень смеялся, когда дочь показала ему план.

Теперь он рассказывал эту историю, будто участвовал во всем с самого начала.

Я не обиделась.

Обычно он так и делал. Мы никогда особенно не делили семейные воспоминания на его и мои.

— Так что, Соня, — продолжил муж, — пусть у тебя всегда хватает смелости предлагать собственные решения. Даже если кто-то считает, что и без тебя все устроено хорошо.

Он поднял бокал.

— За тебя, дочь.

Все зааплодировали.

Я тоже хлопала.

Соня встала, подошла к отцу и обняла его.

Потом повернулась ко мне.

— Мам, иди тоже.

Я поднялась.

Вадим обнял нас обеих.

На секунду я почувствовала облегчение.

Как будто все странное, что происходило сегодня, можно было объяснить моей излишней чувствительностью.

Потом рядом появилась Вероника.

Соня потянулась к ней.

Объятие распалось.

Я вернулась на свое место.

Вероника села рядом с дочерью, наклонилась и что-то сказала ей на ухо.

Соня кивнула, но почти сразу посмотрела в мою сторону.

Я улыбнулась ей.

За столом напротив женщина спросила Веронику:

— А вы тоже из Волжанска?

— Нет, я сейчас живу в другом городе. Но раньше мы с Вадимом здесь бывали.

— Вы родственница?

Вероника немного замялась.

— Я Сонина мама.

— А, понятно.

Женщина кивнула и перевела взгляд на меня.

— А вы?

Я могла бы объяснить.

Сказать, что я жена Вадима, что воспитала Соню с трех лет, что у нас сложная семейная история.

Но мне не хотелось произносить все это перед чужими людьми.

— Я Алина, — ответила я. — Тоже ее мама.

Женщина посмотрела на Соню, потом на нас и вежливо улыбнулась.

— Как здорово, что вы все вместе.

Я сделала глоток воды.

Соня опустила глаза.

А Вероника вдруг произнесла:

— Да, у нас большая семья.

Вадим не возразил.

Я поставила стакан.

Еще утром я считала, что понимаю, кто мы друг другу.

Теперь за одним столом сидели два человека, которые явно знали что-то важное, и моя дочь, которая мучительно пыталась никого не обидеть.

А я продолжала улыбаться.

Когда начали подавать горячее, Соня подсела ко мне.

— Мам, ты сердишься?

— Я расстроена, Сонь.

Она кивнула.

— Понимаю.

— Ты знала, что Вероника приедет?

— Да.

— Давно?

— Мы договаривались.

Я посмотрела на нее.

Соня потерла большим пальцем край салфетки.

— Я хотела сказать тебе. Несколько раз.

— Но не сказала.

— Да.

— Почему?

Она долго молчала.

— Боялась.

Я осторожно взяла ее за руку.

— Чего?

— Что ты расстроишься.

— Я бы расстроилась меньше, если бы знала заранее.

— Теперь понимаю.

Я хотела спросить, когда они начали общаться. Почему дочь не рассказала мне. О чем они говорили все это время.

Но перед нами поставили тарелки.

Соня убрала руку, чтобы не мешать официанту.

— Мам, можно мы поговорим завтра? Нормально, без всех.

— Конечно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она посмотрела мне в глаза.

— Я тебя люблю.

У меня болезненно сжалось сердце.

— Я тебя тоже.

— Ты же знаешь?

— Знаю, родная.

Дочь обняла меня, и я на несколько секунд закрыла глаза.

Когда она вернулась к подругам, я решила, что больше ни о чем не буду спрашивать сегодня.

Соня заслужила праздник.

Я собиралась дождаться десерта, вручить альбом, пожелать дочери хорошего вечера и отправиться домой.

Но вскоре Вадим вышел из зала вместе с Вероникой.

Через стеклянную дверь был виден небольшой балкон.

Они остановились возле перил.

Вероника что-то говорила, положив руку мужу на предплечье.

Вадим наклонился к ней.

Потом осторожно убрал прядь волос с ее лица.

Я смотрела несколько секунд.

Движение было коротким, почти незаметным.

Но слишком привычным.

Мне стало неприятно, и я отвернулась.

Не хотела подглядывать.

Не хотела придумывать то, чему наверняка было простое объяснение.

В конце концов, когда-то они были женаты.

У них взрослая дочь.

Возможно, Вадим просто успокаивал Веронику, которая тоже волновалась из-за встречи.

Я перебрала несколько объяснений.

Ни одно не принесло облегчения.

Через несколько минут муж вернулся к столу. Вероника пошла в другую сторону зала и начала разговаривать с Соней.

Я спросила:

— Ты сегодня собираешься домой?

Вадим удивился.

— Конечно. А что?

— Ничего.

— Алин, ты какая-то напряженная.

— Устала немного.

Он посмотрел на часы.

— Можешь поехать раньше. Я потом доберусь.

— Хорошо.

Я достала телефон и вызвала такси.

Вадим даже не спросил, почему я решила уехать.

***

Перед отъездом я нашла Соню возле танцпола.

Она стояла с двумя подругами, держала в руках туфли и смеялась над чем-то.

Увидев меня, сразу подошла.

— Мам, ты уже уходишь?

— Да. Я сегодня рано встала. А вам еще веселиться.

— Ты не обиделась?

Я вздохнула.

— Соня, давай не будем всю оставшуюся жизнь спрашивать друг у друга, обиделись мы или нет. Если меня что-то будет беспокоить, я скажу.

— Хорошо.

— И ты тоже говори.

Она кивнула.

Я достала из сумки альбом.

Он был довольно тяжелым, хотя я специально выбрала не самый большой формат. На обложке не было надписи, только маленькая фотография Сони в шесть лет: она сидела за пианино с абсолютно серьезным лицом и держала пальцы над клавишами.

— Это тебе.

Дочь взяла сверток.

— Что там?

— Фотографии. Я собирала последние несколько месяцев. Самые разные.

Соня осторожно развернула бумагу.

Увидела первую страницу.

На ней была фотография, где мы втроем стояли возле старого военного городка.

Вадим молодой, в простой куртке.

Я в смешной вязаной шапке.

Соня между нами, с двумя косичками и огромным пакетом конфет.

— Мам...

Она провела пальцами по снимку.

— Это тот Новый год, когда у нас свет выключили?

— Да. Мы тогда половину вечера сидели со свечами.

— А папа принес генератор?

— Нет. Папа принес батарейки и уверял, что этого достаточно.

Соня рассмеялась.

Перелистнула страницу.

Там была ее первая школьная линейка.

Следом — поездка на море, день рождения, фотография из больничной палаты, когда ей удалили аппендикс. На той фотографии Соня показывала камере язык, а я держала на коленях книгу.

— Ты все это сохранила?

— Почти все. Часть пришлось искать на старых дисках.

Дочь подняла глаза.

Они были влажными.

— Мам, это лучший подарок.

— Посмотри дома. Там много страниц.

Она обняла меня так резко, что я едва удержала сумку.

— Спасибо.

— Только не плачь. У тебя тушь дорогая.

Соня засмеялась сквозь слезы.

— Ты невозможная.

— Знаю.

Я поцеловала ее в щеку.

— Отдыхай. И завтра позвони.

— Обязательно.

Она прижала альбом к груди.

Я ушла, пока она не начала перелистывать дальше.

В такси было прохладно.

Водитель включил радио совсем тихо. За окном мелькали вечерние улицы, остановки, освещенные витрины.

Я смотрела на собственное отражение в стекле.

В волосах сохранилась укладка, которую утром делала почти час. Помада немного стерлась. На плече осталось светлое пятно от Сониных пальцев, испачканных чем-то сладким.

Я достала телефон.

В семейном чате уже появились фотографии.

Соня прислала снимок, где мы стояли втроем после вручения диплома.

Под ним она написала:

«Мои любимые. Спасибо за сегодняшний день».

Я открыла фотографию.

На ней Вадим обнимал меня за плечи, а Соня прижималась ко мне с другой стороны и улыбалась.

Красивый снимок.

Я увеличила его.

Рука мужа лежала на моем плече. Я помнила ее тепло.

Посмотрела на экран еще немного и убрала телефон в сумку.

Впереди был разговор с Соней.

Нужно было объяснить ей, что я не против встреч с Вероникой. Просто не хочу узнавать о них последней.

С Вадимом тоже следовало поговорить.

Я решила дождаться, когда он вернется, и спокойно сказать, что сегодняшняя ситуация была неприятной.

Без обвинений.

Наверное, мы оба давно нуждались в длинном разговоре.

***

Дома я первым делом сняла туфли.

Ноги гудели.

Я поставила сумку на консоль, прошла на кухню и включила чайник.

В квартире было прибрано. Утром я специально закончила все дела, чтобы вечером вернуться и просто отдохнуть.

На столе стояла тарелка с печеньем, которое Соня любила в детстве. Она давно почти не ела сладкого, но я все равно покупала эти печенья, когда дочь приезжала.

Я взяла одно и откусила.

Оно оказалось слишком сладким.

Положила обратно.

Потом вымыла чашки, которые оставила утром, протерла стол и сложила на место кухонное полотенце.

Делала все медленно.

Когда телефон подал сигнал, я вздрогнула.

Сообщение пришло от Риты.

«Ну что, диплом получили?»

Я отправила ей фотографию Сони на сцене.

Через секунду пришло:

«Красавица! А ты почему еще не спишь? Завтра расскажешь, как все прошло».

Я напечатала:

«Завтра расскажу».

Потом добавила:

«Устала ужасно».

Рита ответила смешной картинкой с котом, который лежал на диване вверх лапами.

Я улыбнулась.

Она была моей подругой уже больше десяти лет. Преподавала в той же музыкальной школе, что и я, и имела редкую способность не спрашивать лишнего, когда человек не хотел разговаривать.

Я решила завтра позвонить ей.

Посмотреть вместе фотографии.

Может быть, посмеяться над чем-нибудь.

В десять вечера я приняла душ.

В половине одиннадцатого услышала, как открылась входная дверь.

Вадим вернулся.

Я сидела на кровати в домашней рубашке и читала сообщения от родителей учеников.

Он зашел в спальню, снял часы и положил их на тумбочку.

— Ты еще не спишь?

— Нет.

— Как добралась?

— Нормально.

Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Хороший вечер получился.

Я посмотрела на мужа.

— Да. Соня счастлива.

— Она молодец. Девчонка с характером.

Вадим открыл шкаф.

Я подождала, пока он достанет домашнюю одежду.

— Нам надо поговорить.

Он остановился.

— О чем?

— О сегодняшнем дне.

— Алина, я очень устал.

— Я тоже.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Что случилось?

— Ты знал, что Вероника придет.

— Знал.

— Почему не сказал мне?

Вадим закрыл шкаф.

— Мы ведь уже обсуждали это.

— Нет. Мы обсуждали в ресторане, когда она уже приехала.

— Алин, Соня взрослая. Она сама пригласила родную

мать. Я не вижу здесь ничего такого.

— Я не спорю с ее правом приглашать кого хочет.

— Тогда что ты хочешь услышать?

Я положила телефон.

— Почему ты попросил меня отойти от фотографии?

Вадим медленно выдохнул.

— Господи, Алина. Неужели ты до сих пор из-за этого?

— Да.

— Я же сказал, что потом снимемся все вместе.

— Ты попросил сделать фотографию с родными родителями. При мне.

— Потому что мы ее родные родители.

Я смотрела на него.

Он произнес это без раздражения, как очевидный факт.

— А я кто?

Вадим потер переносицу.

— Только не надо. Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь.

— Тогда объясни.

— Что объяснить?

— Почему сегодня получилось так, будто меня надо было убрать из кадра.

Он некоторое время молчал.

Потом сел на край кровати.

— Алина, я понимаю, что тебе неприятно.

— Мне было очень неприятно.

— Хорошо. Извини за фотографию. Я действительно мог сказать иначе.

Я кивнула.

Это было первое, чего мне хотелось услышать.

Но Вадим не закончил.

— Просто нам с тобой все равно придется поговорить о более серьезных вещах.

Я замерла.

— О каких?

Он посмотрел на пол, потом на меня.

Вадим редко затягивал сложные разговоры. Обычно прямо говорил, чего хочет, и ждал ответа.

Но сейчас он явно подбирал слова.

— Ты ведь сама видишь, что в последнее время у нас не все хорошо.

Я нахмурилась.

— Что именно?

— Мы почти не проводим время вместе.

— Ты постоянно на работе.

— Дело не только в работе.

Я выпрямилась.

— Вадим, скажи нормально.

Он медленно снял обручальное кольцо.

Положил на тумбочку рядом с часами.

Я посмотрела на кольцо.

Это движение напугало меня сильнее, чем его слова.

— Я хотел поговорить с тобой после выпускного, — сказал муж. — Не раньше. Не хотел портить Соне праздник.

— О чем поговорить?

Он провел ладонью по лицу.

— Мы с Вероникой снова вместе.

Я услышала каждое слово.

Но какое-то время не могла связать их в одно предложение.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Ты хочешь сказать, что...

— У нас отношения.

Я посмотрела на него.

Потом на кольцо.

— Какие отношения?

Вадим нахмурился.

— Алина.

— Нет, подожди. Я хочу понять, что ты сейчас сказал.

Он молчал.

— Ты встречаешься с Вероникой?

— Да.

— Как давно?

— Несколько месяцев.

— Сколько?

— Полгода.

Я повторила про себя эту цифру.

Полгода.

Январь.

В январе Вадим ездил на совещание в другой город.

Вернулся вечером воскресенья. Я встретила его на вокзале, потому что служебную машину он оставил в центре.

Он привез мне коробку конфет из магазина возле гостиницы.

Я еще пошутила, что после девятнадцати лет брака он научился покупать именно те, которые я люблю.

В феврале у него была другая командировка.

Потом еще одна.

В марте мы почти не виделись из-за его работы и моих занятий.

В апреле я предложила на майские праздники съездить вдвоем на несколько дней. Он ответил, что не получится.

В мае Вадим подарил мне на день рождения серьги и сказал, что я у него самая терпеливая женщина на свете.

Я носила эти серьги сегодня.

Сняла одну.

Положила на кровать.

Вадим наблюдал за мной.

— Алина, я не хотел, чтобы ты узнала таким образом.

— Каким?

— В ссоре.

— А как ты хотел?

— Спокойно все обсудить.

Я подняла голову.

— Ты полгода встречался со своей первой женой?

— Да.

— Пока жил со мной?

Он ничего не ответил.

— Пока спал со мной в одной постели, ел дома, просил купить тебе рубашки, обсуждал отпуск?

— Алина, не надо перечислять.

— Почему?

Он сжал губы.

— Потому что я понимаю, как это выглядит.

— А как это должно выглядеть?

Вадим поднялся.

— Мы давно отдалились друг от друга.

— Кто мы?

— Ты и я.

— Я не замечала.

— Значит, не хотела замечать.

Я уставилась на него.

В другое время эта фраза заставила бы меня спорить.

Сейчас я пыталась вспомнить хоть один разговор за последние месяцы, в котором муж сказал, что несчастен со мной.

Не вспомнила.

Он жаловался на усталость, на людей, которые не выполняли поручения, на бесконечные совещания.

Иногда раздражался, если я просила провести выходные вместе.

Но о том, что разлюбил меня, не говорил.

— Ты мог сказать, что тебе плохо в браке, — произнесла я.

— Я пытался.

— Когда?

Вадим отвел взгляд.

— Мы много раз говорили, что жизнь стала какой-то однообразной.

— Мы говорили, что устали.

— Это связано.

— Нет. Это не одно и то же.

Он подошел к окну.

Я смотрела на его спину и вдруг отчетливо вспомнила наше первое лето.

Тогда Вадиму было тридцать два.

Он еще не стал генералом.

Служил в небольшом городе, ездил на старой машине, постоянно забывал покупать хлеб и сам воспитывал трехлетнюю дочь.

Я работала в музыкальной школе.

Мы познакомились через общих знакомых. Сначала он приходил на школьные концерты, потом приглашал меня в кафе. Когда понял, что отношения становятся серьезными, познакомил с Соней.

Девочка долго смотрела на меня из-за его ноги.

Потом спросила:

— А ты умеешь делать домики из одеяла?

Я ответила, что умею, но не очень красивые.

Она взяла меня за руку и повела в комнату.

Мы провели почти два часа на полу, строя дом для игрушечного медведя.

Вадим потом говорил, что никогда не видел, чтобы Соня так быстро привыкла к чужому человеку.

Мне было двадцать четыре.

Я влюбилась в него почти сразу.

В серьезного мужчину с маленькой дочерью, в его уверенность, в то, как он поправлял ей шапку и терпеливо объяснял, почему нельзя рисовать фломастером на диване.

Вадим казался человеком, который никогда не предаст тех, за кого отвечает.

Я вспомнила это и почувствовала, как задрожали пальцы.

Сложила руки на коленях.

— Ты ее любишь? — спросила я.

Муж повернулся.

— Да.

Я кивнула.

Спросила:

— А меня?

Он долго смотрел на меня.

— Ты очень дорогой мне человек.

Мне хотелось рассмеяться.

За девятнадцать лет брака я слышала от него разные признания.

Иногда смешные.

Иногда неловкие.

Он не умел красиво говорить о чувствах, зато однажды проехал ночью двести километров, чтобы привезти мне лекарство, которого не оказалось в нашем гарнизоне. В другой раз несколько месяцев откладывал деньги на старое немецкое пианино, потому что мое разваливалось.

Я знала его язык любви.

И знала, что сейчас он на нем не говорит.

— Понятно, — произнесла я.

Вадим вернулся к кровати, но не сел.

— Послушай. Мы с Вероникой много разговаривали о прошлом. О том, что не получилось тогда.

— И?

— Мы были молодыми. Она совершила ошибку. Я тоже во многом был неправ.

— Ты хочешь вернуться к ней.

— Да.

Я наконец произнесла то, что до этого боялась даже подумать.

— Ты хочешь развестись?

Вадим кивнул.

— Думаю, так будет правильно.

Я смотрела на него.

Еще утром я поправляла ему воротник.

Он пил кофе, который я приготовила.

Мы ехали на вручение диплома нашей дочери.

Я держала его под руку возле университета.

Он обнимал меня на фотографии.

А теперь стоял посреди спальни и объяснял, что собирается вернуться к женщине, которая девятнадцать лет назад оставила его с маленьким ребенком.

— Почему сейчас? — спросила я.

— Вероника вернулась в нашу жизнь.

— Нет. Почему ты решил, что именно теперь должен с ней сойтись?

Вадим сел в кресло напротив.

— Соня скоро начнет самостоятельную жизнь. Мы с Вероникой можем наконец попробовать построить нормальные отношения. Без прежних ошибок.

— А я?

Он помолчал.

— Алина, ты сильная женщина.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Ты справишься. Я не собираюсь оставлять тебя без поддержки.

— Без поддержки?

— С квартирой решим. С деньгами тоже. Я хочу, чтобы

мы разошлись нормально, без судов и взаимных обвинений.

— Ты уже все решил?

— Я много думал.

— Один.

— Да.

Я медленно встала.

Мне стало трудно сидеть рядом с ним.

Вадим протянул руку, будто хотел остановить меня, но не коснулся.

— Алина, пожалуйста. Я не хочу тебя обидеть.

Я посмотрела на него.

— Ты уже обидел.

Он опустил руку.

Несколько секунд мы молчали.

За окном кто-то громко разговаривал во дворе. Проехала машина. Соседи сверху передвинули стул.

Обычный вечер.

Обычная квартира.

На комоде стояла фотография с нашего пятнадцатилетия свадьбы.

Тогда Вадим подарил мне огромный букет пионов и сказал, что ни с кем другим не прожил бы столько лет.

Я подошла к комоду и взяла рамку.

На снимке он смотрел на меня.

Не в объектив.

Именно на меня.

Я помнила тот день. Помнила, как он обнимал меня, как мы танцевали дома под музыку, которую Соня включила с телефона.

Счастливые воспоминания никуда не исчезли.

И от этого становилось еще больнее.

— Скажи мне одну вещь, — попросила я.

— Какую?

— Когда ты начал встречаться с Вероникой, ты уже собирался разводиться?

Вадим задумался.

— Сначала я не понимал, к чему это приведет.

— Значит, нет.

— Я не хотел разрушать нашу семью.

Я повернулась.

— Но продолжал встречаться с ней?

— Да.

— И сколько еще ты собирался ждать?

Он не ответил.

Я поставила фотографию на место.

— Что будет с Соней?

Вадим сразу оживился, словно мы наконец перешли к вопросу, который он подготовился обсуждать.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Нужно сделать все так, чтобы она не пострадала.

— Она взрослая.

— Для нас она всегда останется дочерью.

— Я знаю.

— Тогда ты понимаешь, почему важно разойтись спокойно.

Я насторожилась.

— Что ты предлагаешь?

— Не надо превращать развод в трагедию для Сони. Мы можем объяснить, что давно стали друг другу скорее близкими людьми, чем супругами. Что решили жить отдельно.

Я медленно покачала головой.

— Но мы ничего такого не решали.

— Алина, это просто слова. Какая разница, кто первым предложил?

— Большая.

— Ты хочешь, чтобы дочь знала все подробности?

— Я не хочу ей лгать.

Вадим сжал пальцами подлокотник кресла.

— Она слишком много пережила из-за первого развода. Теперь у нее появился шанс восстановить отношения с Вероникой. Не надо ставить ее перед выбором.

Я смотрела на мужа.

Он произнес это так, словно именно я собиралась заставить дочь выбирать между нами.

— Ты хочешь, чтобы я сказала Соне, что согласна на развод?

— Да. Что мы оба приняли это решение.

— Но я не согласна.

— Теперь это ничего не изменит.

Я закрыла глаза на несколько секунд.

Когда открыла, Вадим по-прежнему сидел напротив.

— Ты понимаешь, что сейчас просишь меня сделать?

— Помочь дочери.

— Нет. Ты просишь меня помочь тебе.

Он нахмурился.

— Это несправедливо.

— Ты полгода изменял мне. Сегодня попросил отойти с фотографии. А теперь хочешь, чтобы я рассказала дочери, будто сама решила уйти из семьи.

Вадим поднялся.

— Не надо передергивать.

— Тогда объясни, где я ошиблась.

Он подошел к окну.

Долго стоял молча.

Потом произнес:

— Соня уже знает, что мы расстанемся.

Я не сразу поняла.

— Откуда?

— Я говорил с ней.

— Когда?

— На прошлой неделе.

У меня похолодели руки.

— Что именно ты ей сказал?

— Что мы с тобой решили пожить отдельно. Что это не

должно влиять на наши отношения с ней.

Я медленно опустилась на край кровати.

На прошлой неделе.

Я вспомнила, как мы с Соней выбирали серьги к выпускному.

Она приезжала ко мне после работы. Мы заказывали еду, смеялись над фотографиями из ее подросткового возраста.

Вечером дочь долго обнимала меня перед уходом.

Я еще спросила, что случилось.

Она сказала, что просто любит меня.

Теперь я начала понимать почему.

— Вадим, — произнесла я, — ты сказал нашей дочери, что мы с тобой решили развестись?

— Я сказал, что мы обсуждали расставание.

— Но мы не обсуждали!

— Не кричи.

Я даже не заметила, что повысила голос.

Вадим посмотрел на дверь, словно боялся, что нас услышат соседи.

— Алина, успокойся. Мы все равно придем к этому решению.

— Ты уже пришел. Я узнала десять минут назад.

— Я хотел подготовить Соню заранее.

— А меня?

Он промолчал.

Я встала, взяла телефон и прошла мимо него на кухню.

Мне нужно было немного пространства.

Положила телефон на стол, налила воды, выпила почти весь стакан и поставила его возле раковины.

На холодильнике висел магнит из нашего первого совместного отпуска.

Тогда Соня впервые увидела море.

Мы поехали на машине, останавливались в недорогих гостиницах, считали деньги и покупали на завтрак хлеб с сыром.

Дочь всю дорогу требовала остановиться возле каждой коровы.

Вадим смеялся и обещал когда-нибудь показать ей настоящее большое стадо.

На обратном пути мы заехали к его родителям.

Свекровь спросила меня, не трудно ли воспитывать чужого ребенка.

Я ответила, что Соня давно для меня не чужая.

Вадим услышал.

Вечером он обнял меня и сказал:

— Спасибо, что ты у нас есть.

Я стояла возле холодильника и смотрела на магнит.

Потом сняла его.

Не хотела видеть сейчас.

Положила на стол.

Вадим вошел следом.

— Алина.

— Подожди.

Он остановился.

Я глубоко вдохнула.

— Ты сказал Соне про развод, а мне нет.

— Да.

— И она поверила, что я согласна.

— Наверное.

Я повернулась к нему.

— Что значит «наверное»?

Вадим выглядел раздраженным.

— Я не знаю, что именно она подумала. Мы коротко поговорили. Я объяснил, что между нами все давно непросто.

— И она ничего мне не сказала.

— Наверное, не хотела тебя расстраивать.

Я оперлась ладонями о стол.

Меня охватило очень неприятное чувство.

Я не знала, что дочь думает обо мне.

Может быть, она считала, что я собираюсь уйти.

Может быть, переживала из-за моего решения.

Может быть, пыталась сохранить с нами обоими нормальные отношения.

А я весь день радовалась ее диплому и не понимала, почему она так тревожно смотрит на меня.

— Я поговорю с ней, — сказала я.

Вадим покачал головой.

— Давай завтра.

— Почему?

— Сегодня праздник. Она наверняка еще в ресторане.

— Я не собираюсь устраивать скандал.

— Тогда о чем вы будете говорить?

— О том, что я ничего не решала.

— Алина, прошу тебя, не усложняй.

Я посмотрела на мужа.

Девятнадцать лет я старалась делать нашу жизнь проще.

Переезды, новые школы, незнакомые города, дежурства, его командировки, болезни дочери, ремонты, семейные праздники.

Если Вадим не мог приехать, я приезжала сама.

Если он забывал о чем-то, я напоминала.

Если Соня нуждалась в помощи, я находила время.

Мне казалось, что так и выглядит семья.

Теперь муж просил меня еще раз помочь ему.

Объяснить дочери то, во что я сама не верила.

Сделать его решение удобным для всех.

Я вспомнила фотографа возле университета.

Его поднятую камеру.

Руку Сони на моей руке.

И собственный шаг в сторону.

— Нет, Вадим, — произнесла я.

Он нахмурился.

— Что нет?

— Я не буду говорить Соне, что мы решили развестись

вместе.

— Ты хочешь рассказать ей об измене?

— Я хочу сказать правду. По крайней мере о том, что касается меня.

— Ты делаешь это из обиды.

— Я обижена. Очень. И имею на это право.

Он открыл рот, но ничего не сказал.

Я взяла телефон со стола.

Я открыла семейный чат и посмотрела на фотографию, которую Соня прислала из ресторана.

Мы стояли втроем возле университета.

Под снимком оставалось ее сегодняшнее сообщение:

«Мои любимые. Спасибо за сегодняшний день».

Я позвонила Соне.

Вадим стоял напротив, напряженно наблюдая за мной.

Раздался первый гудок.

Потом второй.

Я пыталась решить, с чего начать.

Сказать, что папа нас обманул?

Спросить, что она знала?

Извиниться за то, что не сумела поговорить с ней раньше?

Соня ответила после четвертого гудка.

— Мам? Ты дома?

На заднем плане слышалась музыка.

— Да, солнышко.

— Что-то случилось? Папа сказал, что вы сегодня пого-

ворите.

Я крепче сжала телефон.

— Соня, — произнесла я.

Она сразу перестала говорить с кем-то рядом.

— Мам, ты плачешь?

Я открыла рот, но не смогла ответить.

Потому что впервые за девятнадцать лет не знала, как объяснить дочери то, что сделал ее отец.

Глава 2. Я не соглашалась

— Мам, ответь мне. Что случилось?

Соня говорила громче обычного. На заднем плане играла музыка, кто-то смеялся, звенела посуда. Я представила, как дочь стоит возле ресторанного стола с телефоном у уха, а ее подруги продолжают праздновать.

Еще несколько часов назад она получила диплом.

А теперь я собиралась сказать ей, что наш брак с ее отцом закончился.

— Сонечка, ты можешь выйти туда, где потише?

— Конечно. Секунду.

Я услышала, как она попросила кого-то пропустить ее к выходу. Потом хлопнула дверь.

— Все, мам. Говори. Ты заболела?

— Нет.

— Тогда почему у тебя такой голос?

Я закрыла глаза.

Вадим стоял возле кухонного стола и смотрел на меня. Когда я набрала номер дочери, он попытался что-то сказать, но я отвернулась.

— Мы с папой поговорили, — начала я.

— Я знаю. Он предупреждал.

— Что именно он тебе говорил?

Соня помолчала.

— Что вы собираетесь пожить отдельно. Мам, я не хотела сегодня спрашивать. Думала, ты сама расскажешь, когда будешь готова.

Я сжала телефон.

Значит, дочь действительно ждала этого разговора.

Пока я поздравляла ее, фотографировала, шутила насчет туши и дарила альбом, Соня знала, что родители собираются расстаться.

Вернее, думала, что знает.

— Солнышко, я должна тебе кое-что объяснить. Мы с отцом не договаривались о разводе.

— Как это?

— Он сообщил мне о своем решении сегодня вечером. После того, как я вернулась домой.

На другом конце стало тихо.

— Подожди, — произнесла Соня. — Ты хочешь сказать, что до сегодняшнего дня ничего не знала?

— Да.

— Но папа сказал...

Она оборвала себя.

Я слышала ее дыхание.

— Сонь, ты ни в чем не виновата.

— Мам, я вообще ничего не понимаю. Он сказал, что вы уже давно все обсудили. Что просто не хотели говорить до моего выпускного.

— Мне очень жаль, что он так тебе сказал.

Вадим сделал шаг ко мне.

— Алина, дай трубку, — потребовал он негромко.

Я покачала головой.

— Папа рядом? — спросила Соня.

— Да.

— Он может со мной поговорить?

— Конечно. Только давай сначала закончим мы.

— Мам, вы разводитесь?

Я посмотрела на мужа.

Он ждал моего ответа.

Возможно, надеялся, что сейчас я произнесу что-нибудь осторожное. Скажу, что мы обсуждаем отношения, что у нас сложный период, что взрослые иногда принимают непростые решения.

Я слишком хорошо знала, как такие фразы позволяют ничего не объяснять.

— Папа хочет развестись, — ответила я. — Я узнала об этом сегодня. Мне нужно время, чтобы понять, как теперь жить.

— А ты хочешь?

У меня перехватило горло.

— Нет, Соня. Я этого не хотела.

Дочь долго молчала.

Потом спросила совсем другим голосом:

— Мам, я могу приехать?

Я посмотрела на часы.

Было почти одиннадцать. Ее друзья еще праздновали, а до нашей квартиры от ресторана ехать минут двадцать.

Мне отчаянно хотелось, чтобы она приехала.

Чтобы обняла меня, села рядом, сказала привычное «мам, ну ты чего».

Но я вдруг испугалась, что не смогу остановиться. Начну рассказывать ей про полгода измены, про фотографию, про то, как ее отец снял обручальное кольцо.

Соня имела право узнать правду.

Только я не хотела рассказывать ее посреди собственной истерики.

— Давай завтра встретимся, — попросила я. — Спокойно поговорим.

— Ты уверена?

— Да.

— Но ты там с ним одна.

Я посмотрела на Вадима.

— Я дома, Сонь. Со мной ничего не случится.

— Мам...

— Я обещаю, что мы поговорим. И я отвечу на твои вопросы. Только сегодня тебе лучше вернуться к друзьям.

— Да какие уже друзья...

Она тяжело вздохнула.

— Ты мне позвонишь утром?

— Обязательно.

— Я тебя люблю.

Я прижала телефон к уху.

— И я тебя, родная.

Когда разговор закончился, я еще несколько секунд смотрела на темный экран.

Вадим первым нарушил молчание.

— Ты довольна?

Я подняла глаза.

— Чем?

— Тем, что испортила дочери праздник.

Я не сразу нашлась с ответом.

— Ты серьезно сейчас это говоришь?

— Я просил подождать до завтра.

— А я просила тебя не обманывать ее.

Вадим отодвинул стул и сел. Вид у него был такой, будто мы обсуждали неприятную бытовую проблему, которую можно решить, если перестать нервничать.

— Теперь она будет всю ночь переживать.

— Она уже неделю переживает из-за того, что ты ей рассказал.

— Я пытался ее подготовить.

— К чему, Вадим? К тому, что я якобы сама решила уйти от тебя?

— Не передергивай мои слова.

— Тогда объясни, почему ты не сказал ей правду.

Он некоторое время смотрел на стол.

— Потому что правда причинит ей боль.

— А ложь, по-твоему, нет?

— Слушай, мы оба сейчас на эмоциях. Давай закончим.

Я вдруг заметила, что на нем все еще была та самая светлая рубашка, в которой он утром уехал на выпускной.

Я сама выгладила ее вчера вечером.

— Мне нужно знать еще одну вещь, — сказала я.

Вадим поднял голову.

— Какую?

— Ты собираешься привести Веронику сюда?

Он поморщился.

— Алина, ну что за вопрос?

— Обычный вопрос.

— Мы сначала разведемся.

— Значит, собираешься.

— Я не хочу сейчас обсуждать, кто где будет жить.

— А я хочу понимать, собираешься ли ты заселить ее в квартиру, в которой мы прожили последние восемь лет.

Вадим вздохнул.

— Это наша общая квартира. Мы решим вопрос с имуществом. Не надо заранее придумывать проблемы.

— Я не придумываю.

— Хорошо. Пока я никуда ее не приглашал. Тебе так спокойнее?

Мне не стало спокойнее.

Я посмотрела на пустой стакан, оставленный возле раковины.

— Сегодня я не хочу спать с тобой в одной комнате.

— Алина...

— Пожалуйста, не спорь.

Вадим поднялся.

— Я лягу в кабинете.

Он прошел мимо меня, остановился возле двери.

— И еще. Я понимаю, что ты обижена. Но мне бы хотелось, чтобы дальше мы вели себя достойно.

Я медленно повернула голову.

— Достойно?

— Без выяснения отношений через знакомых. Без публичных сцен. Ты сама понимаешь, какое у меня положение.

Я смотрела на него и никак не могла поверить, что это говорит человек, с которым я прожила девятнадцать лет.

— У тебя положение, — повторила я.

— Не надо цепляться к каждому слову.

— А у меня что, Вадим?

Он устало потер лицо.

— У тебя есть я, который готов помочь тебе устроиться после развода.

Я почувствовала, что сейчас либо закричу, либо расплачусь.

Ни того ни другого при нем я больше не хотела.

— Спокойной ночи, — сказала я.

Вадим постоял еще немного, потом вышел.

Я осталась на кухне.

За окном погас свет в нескольких квартирах напротив. По двору прошли двое молодых людей с собакой. Они остановились возле подъезда, о чем-то поспорили и рассмеялись.

Я налила еще воды.

На этот раз не смогла сделать ни глотка.

***

В спальне пахло моим кремом для рук и мужским одеколоном.

Обычный запах нашей комнаты.

Я села на кровать, сняла вторую серьгу и положила обе на тумбочку.

Вадим подарил их мне в мае.

Тогда мы ужинали в ресторане. Он приехал позднее назначенного, извинился, заказал мое любимое вино и протянул маленькую коробочку.

— Ты заслуживаешь большего, — сказал он.

Я засмеялась и спросила, не собирается ли он покупать мне яхту.

Он ответил, что пока ограничится серьгами.

Мы провели хороший вечер.

После ресторана вернулись домой, долго разговаривали, потом занимались любовью.

Теперь я пыталась вспомнить, каким он был тогда.

Нежным? Внимательным?

Да.

Или мне просто хотелось так думать?

Я не знала.

Больше всего меня мучило именно это.

Я не могла взять девятнадцать лет жизни и объявить их сплошным обманом.

Вадим любил меня.

По крайней мере, раньше.

Он заботился обо мне, когда я болела. Не жалел денег на мое лечение после операции. Однажды целую ночь просидел возле Сони, пока у нее держалась высокая температура, чтобы я смогла поспать.

Мы вместе пережили смерть его отца.

Вместе радовались, когда дочь поступила в университет.

Я помнила его руки, голос, смех.

И теперь не понимала, как тот же человек мог полгода возвращаться от другой женщины и спокойно садиться рядом со мной за ужином.

Телефон завибрировал.

Соня прислала сообщение.

«Мам, я уехала домой. Не могу там оставаться. Напиши, если тебе что-нибудь понадобится».

Я ответила:

«Хорошо, родная. Спи. Завтра поговорим».

Потом долго смотрела на нашу переписку.

Там были фотографии обуви, которую дочь собиралась купить. Смешные видео. Сообщения с просьбами посмотреть резюме, хотя в дизайне я ничего не понимала. Мои во-

просы о том, когда она приедет на выходные.

Неделю назад Соня прислала:

«Мам, можно в субботу приеду просто посидеть с тобой?»

Я ответила:

«Конечно. Куплю твои любимые пирожки».

Теперь я вспомнила, что в ту субботу дочь была необычно тихой.

Мы смотрели старый фильм, она лежала рядом на диване, положив голову мне на колени.

Я гладила ее волосы и думала, что моя взрослая девочка иногда все еще хочет побыть маленькой.

А она, возможно, уже знала о предстоящем разводе.

Я отложила телефон.

Плакать начала неожиданно для себя.

Без рыданий, без желания что-нибудь разбить.

Просто сидела на кровати, пока слезы не перестали течь.

Потом умылась, переоделась и легла.

На соседней подушке осталась вмятина от головы мужа. Я расправила ее, перевернула подушку и выключила свет.

Сна не было.

В два часа ночи я открыла банковское приложение.

На моем счете лежали деньги, которые я откладывала последние несколько лет. Не огромная сумма, но на съемную квартиру и несколько месяцев жизни хватало.

Часть приходила с зарплаты.

Часть я получала за частные уроки.

Вадим никогда не интересовался точным размером моих накоплений. Он считал, что деньги от занятий я трачу на себя и подарки дочери.

Я действительно часто так делала.

Но кое-что откладывала.

Когда-то мама сказала мне, что женщине полезно иметь собственные деньги. Не для того, чтобы скрывать их от мужа, а чтобы не бояться принять необходимое решение.

Тогда я не особенно задумывалась над ее словами.

Сегодня вспомнила.

В половине четвертого мне пришло сообщение от Вадима.

«Надеюсь, завтра сможем поговорить спокойнее. Я не хочу, чтобы ты считала меня врагом».

Я прочитала его дважды.

Отвечать не стала.

***

Утром я проснулась от запаха кофе.

Было почти восемь.

Несколько секунд я не могла понять, почему спала одна.

Потом вспомнила.

На кухне Вадим стоял возле кофемашины.

Он переоделся в домашние брюки и футболку, побрился, выглядел свежим.

На столе лежали два круассана из пекарни возле нашего дома.

— Доброе утро, — сказал он.

Я остановилась у двери.

— Доброе.

— Купил завтрак. Ты вчера почти ничего не ела.

Я посмотрела на пакет.

Раньше такой жест обязательно растрогал бы меня.

Вадим редко покупал выпечку по собственной инициативе. Обычно я просила, а он забывал. Поэтому, когда приносил что-нибудь без напоминаний, мне казалось, что он особенно обо мне заботится.

Теперь я думала о том, что за полгода измены он наверняка тоже покупал Веронике завтрак.

Мне стало стыдно за эту мысль.

Я не хотела представлять их вместе.

— Спасибо, я сама себе приготовлю, — ответила я.

— Алина, не надо демонстративно отказываться от еды.

— Я не отказываюсь от еды. Я не хочу круассан.

Он пожал плечами.

Я взяла чашку, налила чай и села за стол.

Вадим расположился напротив.

Несколько минут мы молчали.

Потом он спросил:

— Ты подумала о нашем разговоре?

Я подняла глаза.

— Ты вчера сообщил, что полгода мне изменял и теперь разводишься. Что именно я должна была решить за ночь?

— Как нам дальше действовать.

— Я пока знаю только одно. Мне нужно пожить отдельно.

Он нахмурился.

— Зачем?

Я посмотрела на него с удивлением.

— Ты действительно не понимаешь?

— Квартира большая. Я могу оставаться в кабинете, пока мы не решим имущественные вопросы.

— А Вероника?

— Что Вероника?

— Она будет ждать, пока мы разделим квартиру?

Вадим отставил чашку.

— Давай не будем опять начинать.

— Я не начинаю. Просто пытаюсь понять, чего ты хочешь.

— Я хочу цивилизованного развода.

— Хорошо. Тогда я поживу отдельно.

— Снимать квартиру сейчас неразумно. Лишние расходы.

— Я сама решу, какие расходы мне разумны.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— У тебя вообще есть деньги?

Я чуть не рассмеялась.

— Есть, Вадим.

— На аренду? На жизнь?

— Да.

— Я могу переводить тебе определенную сумму каждый месяц, пока ты не устроишься.

— Я устроена. Уже много лет.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Твоя работа в школе приносит немного.

— Она приносит достаточно, чтобы я могла начать.

Вадим некоторое время молчал.

Потом произнес:

— Ты сейчас стараешься доказать, что не нуждаешься во мне.

— Нет. Я пытаюсь понять, как буду жить без тебя.

Мне наконец удалось сделать глоток чая.

Он оказался слишком горячим, и я поставила чашку.

— Сегодня я соберу вещи, — продолжила я. — Пока поживу у Риты, потом найду квартиру.

— Ты уже договорилась с ней?

— Еще нет. Позвоню после завтрака.

— Значит, опять все решила одна.

Я подняла глаза.

— Вадим, ты полгода принимал решения за нас обоих. Теперь мне нужно принять хотя бы одно собственное.

Он отвел взгляд.

На несколько секунд я увидела перед собой знакомого мужчину, который не любил проигрывать споры, но иногда умел признать правоту другого.

Я почти ждала, что он скажет: «Извини, Алина. Я действительно поступил плохо».

Вместо этого Вадим спросил:

— Только Соню не втягивай, хорошо?

— Она сама придет ко мне сегодня.

— Тогда объясни ей все спокойно.

— Объясню.

— Не настраивай ее против Вероники.

— Я не собираюсь.

— И против меня тоже.

Я посмотрела на него.

— Ты уже рассказал дочери, что я согласилась на развод. Даже не спросив меня. А теперь боишься, что я настрою ее против тебя?

— Я беспокоюсь о ребенке.

— Нашей дочери двадцать два года, Вадим. Она имеет право знать, что происходит.

— Возраст ничего не меняет.

— Конечно. Поэтому ты и решил, что можно соврать ей ради ее же блага.

Он резко поднялся.

— Я не собираюсь продолжать этот разговор.

— Хорошо.

Вадим взял телефон и вышел на балкон.

Я допила чай.

Круассаны остались лежать на столе.

***

Рита ответила после второго гудка.

— Ну, рассказывай. Как наша выпускница?

— Диплом получила. Все хорошо.

— А голос у тебя почему такой?

Я села на край кровати.

— Рит, можно я у тебя пару дней поживу?

На другом конце стало тихо.

— Можно, конечно. Что случилось?

Я посмотрела на шкаф.

Там висели наши с Вадимом вещи.

Его рубашки, мои платья, зимние куртки в чехлах.

— Мы разводимся.

Рита не стала спрашивать, уверена ли я.

— Он тебе это сказал?

— Вчера.

— После выпускного?

— Да.

— Алин, он тебе изменил?

Я закрыла глаза.

— Да.

Рита выругалась.

За десять лет дружбы я слышала от нее самые разные выражения, но сейчас она подобрала особенно точное.

— Прости, — сказала подруга. — Я просто...

— Ничего.

— Ты где сейчас?

— Дома. Собираюсь вещи сложить.

— Я могу приехать.

— Не нужно. Ты ведь сегодня с матерью договаривалась

встретиться.

— Мать переживет, если я приеду на час позже.

Я улыбнулась впервые за утро.

— Рита, правда. Я справлюсь.

— Алина Сергеевна, прекрати изображать женщину, которая все может сама.

— Я действительно могу собрать чемодан.

— В этом я не сомневаюсь. Ты можешь еще шкаф переставить и ребенка к ЕГЭ подготовить. Но если тебе плохо, не обязательно делать вид, что ничего не произошло.

Я молчала.

Рита вздохнула.

— Ладно. У меня свободная комната. Оставайся сколько понадобится. Ключи дам. Постель чистая, полотенца в шкафу. Только одно условие.

— Какое?

— Не надо извиняться за каждый стакан воды.

Я опустила голову.

— Спасибо.

— Ты когда приедешь?

— После обеда.

— Вадим дома?

— Да.

— Он тебя не удерживает?

— Нет.

— Хорошо. Позвони, когда будешь выходить.

Мы попрощались.

Я положила телефон и открыла шкаф.

Сначала хотела взять только одежду.

Потом вспомнила про документы.

Нашла паспорта, свидетельство о браке, бумаги на машину, выписки по квартире. Свои документы сложила отдельно. Свидетельство о браке сфотографировала, как и бумаги, касавшиеся нашей общей собственности.

Квартира была оформлена на нас обоих в равных долях. Я помнила день, когда мы получили документы. Вадим тогда сказал, что наконец у нас есть собственный дом, из которого никто не заставит переезжать по служебной необходимости.

Я хотела остаться здесь надолго.

Теперь сама собирала чемодан.

В нижнем ящике комода нашла старую фотографию.

Вадим в форме молодого офицера, я рядом с ним, а Соня сидит у меня на руках.

Ей тогда было четыре.

Фотография была сделана на семейном празднике.

Я держала ее так крепко, что один ботинок девочки оказался под моей курткой.

На обороте Вадим написал: «Мои девочки».

Я долго смотрела на эти два слова.

Потом положила фотографию в отдельную папку.

Выбрасывать ее не собиралась.

Не хотела принимать решения, о которых потом пожалею.

В чемодан отправились несколько платьев, повседневная одежда, белье, лекарства и косметика.

Я взяла ноутбук, рабочие тетради, электронный носитель с нотами и маленькую коробку с украшениями.

Старое пианино стояло в гостиной.

Его мы купили вскоре после свадьбы. Инструмент давно нуждался в серьезной настройке, но я любила его звук.

Я подошла, открыла крышку и коснулась клавиш.

Потом закрыла.

С собой его все равно было не забрать.

За спиной послышались шаги.

— Ты действительно уходишь? — спросил Вадим.

Я повернулась.

Он стоял в дверях гостиной.

— Да.

— Алина, это твой дом.

— Я знаю.

— Тогда зачем устраивать этот переезд?

Я посмотрела на чемодан возле стены.

— Потому что не хочу каждый день встречаться с тобой за завтраком и делать вид, что мы просто поссорились.

Он нахмурился.

— Никто тебя к этому не принуждает.

— Хорошо.

— И потом, ты куда поедешь? К Рите? У нее же двухкомнатная квартира.

— Мне хватит комнаты.

— На сколько?

— На пару дней. Потом найду жилье.

Вадим подошел к пианино.

Провел пальцами по крышке.

— Я могу помочь с арендой.

— Спасибо. Пока не нужно.

— Ты все равно потом обратишься ко мне.

Я посмотрела на него.

— Возможно. Если понадобится решить вопрос с квартирой, я обращусь. Но сейчас мне не нужна помощь.

Он молчал.

Я подошла к комоду за папкой с фотографиями.

— Остальные вещи заберу позже. Договоримся о времени.

— Забирай когда хочешь.

— Спасибо.

— Только не надо делать из меня человека, который выгнал жену из дома.

Я остановилась.

— Я и не говорила, что ты меня выгнал.

— Просто со стороны это будет выглядеть именно так.

— Тогда можешь рассказывать, что я ушла сама. Это правда.

Вадим сжал челюсти.

— Ты все воспринимаешь как нападение.

Я взяла чемодан за ручку.

— Вадим, мне сейчас очень больно. Я не могу обсуждать с тобой, как удобнее представить наш развод окружающим.

Он отступил, освобождая проход.

В прихожей я надела туфли.

Потом посмотрела на связку ключей.

Вадим тоже заметил.

— Ключи оставишь?

Я подняла голову.

— Нет. Это и моя квартира.

Он выдержал короткую паузу.

— Да, конечно.

Я открыла дверь.

Он неожиданно произнес:

— Алина, я не хотел, чтобы все так получилось.

Я оглянулась.

Вадим стоял посреди прихожей.

Высокий, красивый, совершенно знакомый.

Мне захотелось подойти и обнять его.

Спросить, нельзя ли отменить вчерашний разговор, вернуться к утру выпускного, снова сесть всей семьей за кухонный стол.

Но потом я вспомнила Веронику возле университетских ступенек.

Вадим убрал прядь волос с ее лица так, как когда-то убирал мои волосы.

— Ты мог остановиться полгода назад, — ответила я.

Он опустил глаза.

Я вышла.

***

У Риты пахло свежим хлебом и кофе.

Подруга встретила меня в домашних брюках и футболке с надписью на английском, смысл которой она сама не могла объяснить.

Увидев чемодан, молча забрала у меня сумку.

— Проходи.

Я сняла обувь.

— Рит, спасибо. Я...

— Начинается.

— Что?

— Ты сейчас будешь извиняться за то, что приехала.

Я невольно улыбнулась.

— Не буду.

— Вот и отлично. Комната твоя. В ванной чистые полотенца, на кухне еда. Хочешь говорить — поговорим. Не хочешь — будем молчать.

Она показала мне комнату.

Небольшая кровать, письменный стол, шкаф и окно во двор. На подоконнике стояла герань, которую Рита регулярно собиралась выбросить, но почему-то продолжала поливать.

Я поставила чемодан.

— Хорошо здесь.

— Жить можно. Только соседка сварливая.

— Какая?

— Я.

Я рассмеялась.

Смех неожиданно перешел в слезы.

Рита подошла и обняла меня.

Не стала говорить, что все будет хорошо.

Не стала спрашивать, почему я плачу.

Просто держала, пока я не смогла успокоиться.

Потом сунула мне салфетку.

— Пойдем есть.

— Я не голодная.

— Тогда будешь сидеть рядом, пока я поем. Мне одной скучно.

На кухне она достала из духовки запеканку.

Поставила две тарелки.

Я съела несколько ложек и вдруг поняла, что действительно голодна.

Рита наблюдала за мной, но ничего не говорила.

Когда мы закончили, я сама начала рассказывать.

Про Веронику.

Про фотографию.

Про полгода измены.

Про то, что Вадим заранее сообщил дочери о нашем якобы совместном решении.

Рита слушала, иногда задавала короткие вопросы.

— Соня знала про роман?

— Не знаю. Сегодня будем говорить.

— А Вероника сейчас где?

— Наверное, уехала домой. Она живет в другом городе.

— А Вадим?

— Дома.

Рита убрала тарелки.

— Я всегда считала его порядочным человеком.

Я посмотрела на подругу.

— Я тоже.

Она помолчала.

— Слушай, я не собираюсь сейчас рассказывать, что он никогда тебя не любил. Это было бы неправдой.

Я подняла голову.

Рита села напротив.

— Я помню, как он приезжал за тобой после операции. Помню, как помогал нам с ремонтом в школе, когда никто не мог добиться машины для перевозки инструментов. Хорошие поступки были. Но это не отменяет того, что он сделал сейчас.

Я сглотнула.

— Мне кажется, я должна была раньше понять.

— Что?

— Что у него другая женщина.

— Может, и могла что-то заметить. А может, нет. Он ведь

специально скрывал.

Я провела рукой по лицу.

— Я столько раз оправдывала его командировки.

— Потому что он служит, Алин. Командировки для него обычное дело. Ты не обязана была проверять каждую.

Я кивнула.

Рита встала, поставила чайник.

— Что собираешься делать?

— Найти квартиру. Потом решить вопрос с разводом.

— Деньги есть?

— Есть.

— Юрист нужен?

— Думаю, да.

— Я могу дать номер. Моя двоюродная сестра обращалась к одной женщине, когда разводилась. Спокойная, без обещаний отобрать у мужа последнюю рубашку.

— Дай, пожалуйста.

Подруга отправила контакт.

Я записала его и положила телефон.

— Алин, — сказала Рита, — только не увольняйся с работы.

Я удивленно посмотрела на нее.

— С чего бы?

— Не знаю. Иногда люди после развода решают полностью изменить жизнь, переехать куда-нибудь, открыть цветочный магазин.

— Я не умею продавать цветы.

— Вот именно. Зато умеешь учить играть на пианино. И делаешь это хорошо.

Я улыбнулась.

— Спасибо.

— Не за что. А завтра у нас совещание, не забудь.

— Какое?

Рита подняла брови.

— По залу. Тамара Николаевна собирает всех, кто будет участвовать в восстановлении. Надо решить, куда перенесем занятия, пока ремонтируют основную часть.

Я вспомнила.

Совещание действительно назначили еще на прошлой неделе.

— Приду.

— Если хочешь, скажу, что заболела.

— Нет. Я хочу пойти.

Рита посмотрела на меня с одобрением.

— Тогда завтра вместе поедем.

Вечером я попыталась разобрать вещи.

Сложила одежду в одну часть шкафа, поставила косметику на полку.

Соне я написала, что со мной все в порядке, и попросила перенести наш разговор на завтра. Сегодня у меня не было сил говорить.

Потом села на кровать и открыла телефон.

Там было несколько новых сообщений.

Одно от Вадима.

«Ты добралась?»

Я ответила:

«Да».

Он почти сразу написал:

«Хорошо. Если что-нибудь понадобится, звони».

Я убрала телефон.

Через минуту пришло сообщение от Натальи, жены одного из его сослуживцев.

Мы знали друг друга лет семь. Иногда встречались на общих праздниках, поздравляли детей, обменивались рецептами.

«Алиночка, привет. Узнала, что вы с Вадимом решили разойтись. Очень жаль. Но ты молодец, что все так спокойно воспринимаешь. Вадим сказал, вы давно к этому шли и просто ждали Сониного диплома. Если захочешь поговорить, звони».

Я перечитала сообщение.

Потом еще раз.

Вадим уже рассказал.

И не только дочери.

Оказывается, мы давно шли к разводу.

Вместе.

Обсуждали, принимали решение, ждали удобного момента.

Я сидела в чужой комнате с чемоданом у кровати и впервые за сегодняшний день почувствовала настоящую злость.

Не ту растерянную обиду, которая заставляла плакать.

А злость на то, что муж продолжал распоряжаться нашей историей.

Я начала печатать длинный ответ.

Написала, что ничего не решала, что он полгода изменял мне с первой женой, что вчера я узнала обо всем после выпускного нашей дочери.

Потом стерла.

Наталья не была виновата.

Она просто поверила человеку, которого знала много лет.

Я написала:

«Наташа, спасибо за заботу. Но хочу уточнить: я узнала о решении Вадима развестись только вчера вечером. Никакого совместного решения у нас не было. Сейчас мне тяжело, поэтому обсуждать подробности пока не готова».

Прочитала и отправила.

Ответ пришел через несколько минут.

«Алина, прости. Я не знала. Не буду тебя беспокоить».

Я отложила телефон.

Через некоторое время Рита заглянула в комнату.

— Ты как?

— Нормально.

Она посмотрела на меня.

— Совсем нормально?

— Нет. Но я хотя бы понимаю, что надо делать.

Рита кивнула.

— Это уже неплохо.

Я показала ей сообщение Натальи.

Подруга прочитала.

— Быстро он.

— Да.

— Хочешь, я с кем-нибудь поговорю?

— Нет.

Рита вернула телефон.

— Правильно. Пусть сам отвечает за свои слова.

Она остановилась в дверях.

— Алин, только одно скажу. Ты не обязана перед всеми оправдываться.

Я кивнула.

После ее ухода я еще долго сидела с телефоном в руках.

Потом открыла список контактов и нашла номер юриста.

Написала короткое сообщение с просьбой назначить консультацию.

Ответ пришел уже утром.

***

На следующий день мы с Ритой приехали в музыкальную школу за пятнадцать минут до совещания.

Здание стояло на тихой улице недалеко от центра.

Три этажа, старый кирпичный фасад, широкие окна. Я работала здесь четвертый год, но все еще иногда вспоминала

первые месяцы, когда путалась в коридорах и не могла запомнить, какие классы свободны после обеда.

Летом в школе было непривычно тихо.

Основные занятия закончились. Несколько преподавателей проводили индивидуальные уроки, кто-то готовил учеников к конкурсам.

В коридоре возле большого зала стояли строительные ограждения.

За ними виднелись сложенные деревянные панели.

— Осторожно, здесь проход закрыт.

Я обернулась.

Возле двери стоял Илья Лебедев.

Мы познакомились в мае, когда школа начала восстановление старого концертного зала.

Он занимался деревянной отделкой, дверями и частью мебели. Работал с небольшой бригадой и относился к старым вещам с таким вниманием, будто каждая доска заслуживала отдельного разговора.

В первый день нашего знакомства мы поссорились.

Я попыталась пройти в зал за нотами, оставленными после репетиции. Илья перекрыл проход и сказал, что сейчас там опасно.

Я возмутилась, потому что никто не предупредил преподавателей об ограничении доступа.

Он предложил подождать десять минут, сам принес мои ноты и еще извинился за то, что информация не дошла до

всех.

После этого мы несколько раз пересекались на совещаниях.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе, Алина Сергеевна.

Он посмотрел на Риту.

— Рита Александровна, здравствуйте.

— Здравствуйте, Илья Павлович. А мы к директору.

— Она на втором этаже. Только не идите через зал, там сейчас снимают часть обшивки.

Рита показала на узкий коридор.

— А там можно пройти?

— Можно. Только осторожно у последней двери, порог пока без накладки.

Я машинально посмотрела в сторону зала.

— А старые панели вы собираетесь сохранить?

Илья повернулся ко мне.

— Какие именно?

— Те, что возле боковой стены. Там очень красивый рисунок дерева.

— Сохраним, если состояние позволит. Пока сняли только несколько элементов для проверки.

— А остальные?

— Посмотрим после очистки.

Я хотела спросить еще кое-что, но поняла, что он, вероятно, занят.

— Хорошо. Спасибо.

Илья кивнул.

Рита потянула меня за рукав.

— Пойдем. Тамара Николаевна нас ждет.

Мы поднялись на второй этаж.

В кабинете директора уже сидели несколько преподавателей.

Тамара Николаевна Крылова, энергичная женщина с короткой стрижкой, просматривала какие-то бумаги.

Увидев нас, подняла голову.

— Девочки, проходите. Сейчас начнем.

Я села рядом с Ритой.

Директор посмотрела на меня внимательнее.

— Алина Сергеевна, вы здоровы?

— Да, спасибо.

— Вид у вас усталый.

— Плохо спала.

Тамара Николаевна не стала расспрашивать.

Совещание началось.

Мы обсуждали перенос занятий, расписание летних репетиций, хранение инструментов и подготовку к открытию обновленного зала.

Оказалось, что часть работ затянется дольше первоначального срока.

Несколько преподавателей недовольно переглянулись.

— Нам обещали освободить помещение к сентябрю, —

сказала коллега из вокального отделения.

— Основные классы будут готовы, — ответила директор. — Но большой зал откроем только после завершения всех работ и проверки оборудования. Торопиться не будем.

— А концерты?

— Осенью используем малый зал. Январское открытие проведем уже в большом.

Я записывала изменения в блокнот.

В какой-то момент Тамара Николаевна обратилась ко мне:

— Алина Сергеевна, вы ведь хотели летом взять несколько дополнительных учеников?

— Да.

— Тогда подумайте, как вам удобнее организовать занятия. У нас есть свободное время в четвертом классе.

— Я посмотрю расписание и завтра отвечу.

— Хорошо.

Она переключилась на другой вопрос.

Я слушала коллег и постепенно замечала, что мне становится легче.

Не потому, что я перестала думать о Вадиме.

Просто здесь существовали дела, которые не имели к нему отношения.

Расписание.

Ученики.

Ноты.

Ремонт зала.

Меня спрашивали о моей работе, и я знала, что отвечать.

В конце совещания директор попросила нескольких преподавателей спуститься и посмотреть, как планируют расставить мебель после восстановления.

Мы с Ритой задержались.

Илья встретил нас у входа в зал.

— Только дальше этой линии не заходите, — предупредил он, указывая на временное ограждение.

Я остановилась рядом.

Снятые деревянные панели стояли возле стены. Часть была пронумерована мелом.

— Вы их все возвращать будете? — спросила я.

— Какие сохранились в хорошем состоянии, вернем. Остальное восстановим по образцу.

— Мне нравилось, как здесь было раньше.

Илья посмотрел на зал.

— Раньше или до начала ремонта?

Я впервые за день искренне улыбнулась.

— А есть разница?

— Большая. До ремонта здесь половина отделки была испорчена.

— Зато зал был красивым.

— Красивый зал с рассохшимися панелями тоже требует ремонта.

Я посмотрела на него.

— Вы всегда так спорите с преподавателями?

— Только когда они считают, что старую вещь нельзя трогать, даже если она разваливается.

— А если ее можно сохранить?

— Тогда сохраним. Я именно этим и занимаюсь.

Он улыбнулся.

Я вдруг заметила, что у него очень спокойный взгляд.

Не безразличный.

Просто он не торопился отвечать раньше, чем собеседник закончит.

— Простите, — сказала я. — Наверное, я сегодня слишком придираюсь.

— Вы спрашиваете про помещение, в котором работаете. Это нормально.

Он посмотрел на мой блокнот.

— Если хотите, могу показать, какие элементы мы собираемся сохранить.

— Сейчас?

— Минут через десять. Мне нужно закончить с рабочими.

Я взглянула на часы.

У меня не было срочных дел.

Рита уже разговаривала с Тамарой Николаевной возле выхода.

— Хорошо, — ответила я. — Подожду.

Илья кивнул и ушел к противоположной стене.

Я присела на скамью в коридоре.

Телефон лежал в сумке.

Мне хотелось проверить сообщения.

Возможно, Вадим написал.

Возможно, Соня решила приехать раньше.

Но я удержалась.

Посидела несколько минут, рассматривая старые фотографии школьных концертов на стене.

На одной была девочка с огромным бантом, которая держала скрипку почти такого же размера, как она сама.

Я вспомнила Соню в детстве.

Она тоже пыталась заниматься музыкой.

Продержалась полгода, потом заявила, что лучше будет рисовать дома.

Я тогда обиделась.

Не показала ей, конечно, но несколько вечеров переживала, что дочь не хочет разделять мое увлечение.

Вадим сказал:

— Алин, пусть выбирает сама. Мы ведь не хотим вырастить второго преподавателя фортепиано только потому, что ты им стала.

Он был прав.

Я согласилась с ним.

Теперь мне хотелось спросить у того Вадима, почему он так хорошо понимал право дочери на собственный выбор и совсем не захотел оставить такое же право мне.

— Алина Сергеевна?

Я подняла голову.

Илья стоял рядом.

— Вы не передумали?

— Нет.

Он открыл дверь в небольшое служебное помещение.

На столе лежали несколько образцов деревянной отделки.

Илья показывал, где удалось убрать старое покрытие, где потребовалась замена поврежденного участка, а где можно было сохранить оригинальную поверхность.

Я слушала внимательно.

В какой-то момент он спросил:

— Вы, кажется, плохо себя чувствуете?

Я смутилась.

— Нет. Просто не выспалась.

— Понятно.

Он не стал задавать других вопросов.

Показал мне фотографии зала до ремонта, потом варианты восстановления.

Мы обсудили оттенок дерева, который лучше сочетался с цветом старых кресел.

— Вот этот мне нравится, — сказала я, указывая на образец.

— Мне тоже.

— Значит, мы наконец договорились?

Илья улыбнулся.

— По одному вопросу.

Я тихо рассмеялась.

Он собрал образцы.

— Если появятся замечания по залу, можете передать их через директора. Или скажите мне, когда встретимся.

— Хорошо.

Я направилась к выходу.

У самой двери Илья окликнул:

— Алина Сергеевна.

Я обернулась.

— Что?

Он немного помедлил.

— Не забывайте отдыхать. До сентября еще есть время.

Я улыбнулась.

— Постараюсь.

В коридоре меня ждала Рита.

— Ну что, договорились?

— Почти.

— С ним вообще можно договориться. Упрямый, конечно.

— Ты всех упрямыми называешь.

— Потому что вокруг одни упрямцы.

Мы вышли из школы.

На улице было жарко.

Я остановилась возле ступенек и впервые за два дня заметила, какое красивое сегодня небо.

***

После совещания я поехала на консультацию к юристу.

Женщину звали Ольга Никитична.

Она принимала в небольшом офисе на первом этаже старого делового здания. На столе лежали папки, возле окна стоял кулер, а на стене висел календарь с отметками.

Я коротко рассказала о ситуации.

Про измену говорить подробно не стала.

Объяснила, что муж хочет развестись, квартира принадлежит нам в равных долях, других крупных совместных приобретений немного.

Ольга Никитична задавала конкретные вопросы.

Когда купили квартиру.

На кого оформлена.

Есть ли кредит.

Остались ли общие долги.

Какие документы у меня на руках.

Я отвечала, сверяясь с записями в телефоне.

Потом она сказала:

— Для начала не подписывайте документы, которые вам предложат в спешке. Нужно спокойно посмотреть имущество, обязательства и понять, какой вариант раздела вам подходит.

— Муж обещал все решить без суда.

— Это возможно, если вы договоритесь. Но договоренности должны быть понятными и оформленными.

Я кивнула.

— Он предлагает мне деньги на жизнь.

— Вы можете принимать помощь или отказаться. Это ваше решение. Только не связывайте ее с отказом от имущественных прав.

Мне стало немного спокойнее.

Мы обсудили возможные дальнейшие шаги. Ольга Никитична дала список документов, которые стоило подготовить, и объяснила, что делать, если Вадим предложит соглашение.

Я записала основные пункты.

Уже в дверях спросила:

— Можно еще один вопрос?

— Конечно.

— Если я сейчас съехала, это не значит, что отказалась от квартиры?

Юрист покачала головой.

— Сам по себе переезд не означает отказа от вашей доли.

Я выдохнула.

— Спасибо.

На улице я позвонила Рите.

— Как прошло? — спросила она.

— Нормально. Я хотя бы понимаю, что делать с документами.

— Отлично. А с квартирой?

— Пока буду искать съемную. Потом решим продажу нашей общей.

— Хочешь, я объявления посмотрю?

— Я уже открыла несколько.

— Только не снимай первую попавшуюся.

— Не буду.

— И не соглашайся на квартиру, где нет нормального отопления. Я тебя знаю. Ты скажешь, что тебе и так хорошо.

Я улыбнулась.

— Рита, сейчас лето.

— Вот именно. Зимой поздно будет проверять.

Мы попрощались.

Я села на скамейку возле остановки и открыла объявления.

Цены оказались выше, чем я рассчитывала.

Особенно возле школы.

Пришлось пересмотреть бюджет.

Если снять небольшую однокомнатную квартиру чуть дальше от центра, можно было спокойно оплачивать аренду, питание и дорогу, не тратя все накопления.

Дополнительные занятия давали возможность увеличить доход.

Я записала несколько адресов.

Позвонила по одному объявлению.

Хозяйка ответила сразу, спросила, сколько человек будет жить.

— Одна, — сказала я.

Это слово оказалось непривычным.

Я повторила:

— Одна. Без животных.

Мы договорились о просмотре на следующий день.

Я убрала телефон и еще немного посидела на остановке.

Впервые за много лет я выбирала жилье только для себя.

Не нужно было думать, поместится ли Сонин письменный стол возле окна.

Не придется проверять, удобно ли Вадиму будет добираться до службы.

Мне требовались небольшая кухня, кровать, стол для ноутбука и нормальное сообщение со школой.

Я открыла еще одно объявление.

На фотографиях была светлая квартира с маленьким балконом.

Пожалуй, там можно было бы жить.

***

Соня позвонила вечером.

— Мам, ты где?

— У Риты.

— Почему?

— Я пока решила пожить отдельно.

Она помолчала.

— Папа сказал, что ты ушла.

— Да.

— Вы поссорились?

Я посмотрела на открытый чемодан.

— Мы поговорили. Мне сейчас легче быть отдельно.

— Я могу приехать?

— Конечно. Ты знаешь адрес?

— Да.

— Только предупреди, когда будешь подъезжать.

Через сорок минут раздался звонок в дверь.

Рита вышла из кухни, посмотрела на меня.

— Это Соня?

— Да.

— Я тогда к себе. Если что, чай на столе.

Я открыла дверь.

Дочь стояла на площадке в джинсах и белой футболке. Волосы собрала в небрежный хвост, под глазами были темные круги.

В руках держала бумажный пакет.

— Привет, мам.

— Привет, родная.

Мы обнялись.

Соня прижалась ко мне сильнее обычного.

— Я купила тебе пирожки, — сказала она, когда мы отстранились. — С капустой. Ты такие любишь.

Я посмотрела на пакет.

— Спасибо.

— Не знала, что еще привезти.

Мне захотелось сказать, что она ничего не должна привозить.

Но я увидела, как напряженно дочь ждет моей реакции, и просто взяла пакет.

— Пойдем на кухню. Чай выпьем.

Мы сели друг напротив друга.

Соня сразу заметила мой телефон, папку с документами и листок, на котором я записывала адреса квартир.

— Ты уже ищешь жилье?

— Да.

— Может, пока у меня поживешь? У нас с Катей диван раскладывается.

Я улыбнулась.

— Спасибо, но вы и так вдвоем в небольшой квартире. Мне нужно свое место.

Она опустила глаза.

— Папа сказал, что ты сама захотела уйти.

Я подождала.

— Это правда, — ответила я. — Из квартиры я ушла сама.

— Но не из семьи.

Я посмотрела на дочь.

— Нет, Соня. Развод был не моим решением.

Она долго молчала.

Потом спросила:

— Папа тебе изменил?

Я почувствовала, как напряглись плечи.

Мне не хотелось говорить об этом с дочерью.

Не хотелось представлять ее перед выбором между правдой и любовью к отцу.

Но теперь она смотрела на меня и ждала ответа.

— Да, — сказала я.

Соня побледнела.

— С Вероникой?

Я кивнула.

Она откинулась на спинку стула.

— Господи.

Я поставила перед ней чашку.

— Сонь...

— Подожди, мам.

Она закрыла лицо руками.

Я не стала ее трогать.

Через некоторое время дочь выпрямилась.

— Как давно?

— Полгода.

Она посмотрела на меня.

— Полгода?

— Да.

— С января?

— Он так сказал.

Соня сжала губы.

— Я не знала.

— Я понимаю.

— Нет, мам, ты не понимаешь. Я правда не знала, что они...

Она запнулась.

— Я знала, что они встречались. Но папа говорил, что по-

могает нам с Вероникой наладить общение. Что это важно для меня.

Я слушала.

— А потом он сказал, что вы с ним решили развестись. Я думала, это вообще не связано.

— Когда он тебе сказал?

— На прошлой неделе. Помнишь, я тогда приезжала к тебе в субботу?

Я кивнула.

— Я все хотела спросить, почему ты ничего не говоришь. Потом решила, что ты пока не готова.

Она посмотрела на меня.

— Мам, я думала, ты сама хочешь уйти.

— Нет.

— Тогда зачем папа так сказал?

Я невольно усмехнулась.

— Наверное, ему было удобнее.

Соня опустила голову.

Несколько минут мы молчали.

Я не знала, как вести себя.

Хотелось обнять ее, успокоить, сказать, что ничего страшного не произошло.

Но страшное произошло.

И дочь уже была достаточно взрослой, чтобы понимать это.

— Ты сердишься на меня? — спросила она.

Я подняла глаза.

— За что?

— За Веронику.

Я медленно поставила чашку.

— Соня, ты имеешь право общаться со своей родной матерью. Я никогда не запрещала тебе этого.

— Знаю.

— Но мне было больно, что в день выпускного я узнала о ее приезде последней.

— Я понимаю.

— И еще больнее, что твой отец решил использовать это как объяснение своего романа.

Соня посмотрела на меня.

— Он сказал, что хочет восстановить семью.

Я вздрогнула.

— Какую?

— Ну... нашу. Что мы теперь все сможем общаться. Что он и Вероника наконец исправят прежние ошибки.

Я долго смотрела на дочь.

— А меня он куда собирался деть?

Соня прикусила губу.

— Мам...

Я подняла ладонь.

— Прости. Это не вопрос к тебе.

Она опустила глаза.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто я согласна с тем, что

он сделал.

— Я не думаю.

— Просто мне хотелось познакомиться с Вероникой. Узнать ее нормально. Не по фотографиям и редким звонкам.

Я кивнула.

— Это понятно.

— И я не знала, что из-за этого...

— Соня, остановись.

Она посмотрела на меня.

— Ты не отвечаешь за решения взрослых. Твой отец сам решил изменить мне. Вероника сама согласилась на эти отношения. Ты не просила их этого делать.

Дочь вытерла глаза.

— Я правда не просила.

— Верю.

Она некоторое время молчала.

Потом спросила:

— А теперь что будет?

Я посмотрела на бумажный пакет с пирожками.

— Не знаю всего. С папой мы разведемся. Я сниму квартиру, продолжу работать. Ты окончила университет, будешь искать постоянную работу. Надеюсь, иногда станешь приезжать ко мне и рассказывать, как живешь.

Соня всхлипнула.

— Конечно буду.

— Вот и хорошо.

— Мам, ты говоришь так, будто мы можем перестать общаться.

Я не сразу ответила.

— Я просто боюсь, Соня.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Чего?

Я могла бы сказать, что боюсь одиночества.

Что мне страшно начинать жизнь без мужа, с которым прошли почти два десятилетия.

Что я не знаю, как буду засыпать в незнакомой квартире и что стану делать по выходным, когда не нужно будет никого ждать.

Но сильнее всего меня пугало другое.

— Я боюсь, что у тебя теперь будет другая семья, — призналась я.

Соня нахмурилась.

— Какая другая?

— Ты, папа, Вероника.

Она долго смотрела на меня.

Потом тихо произнесла:

— Мам, я же не перестану быть твоей дочерью только потому, что у меня есть родная мать.

У меня задрожали губы.

— Я знаю.

— Нет. Мне кажется, ты сейчас не очень веришь.

Я опустила глаза.

Соня пододвинулась ближе.

— Ты меня растила. Ты была со мной, когда я болела, когда боялась идти в школу, когда провалила первый экзамен. Ты учила меня готовить, хотя я до сих пор нормально не умею.

Я попыталась улыбнуться.

— Ты прекрасно готовишь макароны.

— Вот именно. Только макароны.

Она взяла меня за руку.

— Мам, я люблю тебя. Это не изменится.

Я смотрела на наши пальцы.

Ее рука была почти такой же, как моя.

Только ногти короткие, а на запястье тонкий браслет, который она купила на собственные деньги.

Мне очень хотелось поверить, что этого достаточно.

Но слова Вадима о родных родителях все еще звучали в голове.

— Сонечка, — произнесла я, — можно я тебя кое о чем попрошу?

— Конечно.

— Если ты хочешь общаться с Вероникой, не скрывай от меня. Я не стану заставлять тебя выбирать. Просто мне хотелось бы знать, что происходит в твоей жизни.

Она кивнула.

— Хорошо.

Потом вдруг отвернулась к окну.

Я заметила, как изменилось ее лицо.

— Что такое?

Соня долго молчала.

— Мам, я должна тебе кое-что рассказать.

Я выпрямилась.

— Слушаю.

Она провела ладонью по столу.

— Про Веронику.

Мне стало тревожно.

— Что про нее?

Соня посмотрела на меня.

— Ты ведь думаешь, что она сама появилась? Что позвонила папе и попросила встретиться со мной?

Я осторожно кивнула.

— Я не знаю, как это произошло.

Дочь глубоко вдохнула.

— Это я ее нашла.

Я замерла.

— Ты?

— Да.

— Когда?

Она опустила глаза.

— В ноябре, мам. В прошлом ноябре.

Я смотрела на Соню, пытаясь сопоставить даты.

Ноябрь.

Восемь месяцев назад.

Тогда дочь приезжала домой на выходные, готовила диплом, жаловалась на усталость и просила помочь ей выбрать новый ноутбук.

Мы вместе встречали Новый год.

Я пекла ее любимый пирог.

Вадим дарил нам подарки, мы смотрели старые фильмы, смеялись над семейными фотографиями.

А Соня уже общалась с Вероникой.

— Почему ты мне не сказала? — спросила я.

Дочь сжала руки.

— Потому что очень боялась тебя обидеть.

Она посмотрела мне в глаза.

— Мам, я ведь сама рассказала папе, что нашла ее. Я попросила его помочь нам встретиться.

Я не двигалась.

Соня продолжила почти шепотом:

— Я тогда еще не знала, что из этого получится. И уж точно не хотела, чтобы он уходил от тебя.

Она замолчала.

А я смотрела на свою взрослую дочь и понимала, что за последние восемь месяцев в нашей семье происходило гораздо больше, чем я могла себе представить.

Глава 3. Восемь месяцев

— В ноябре? — переспросила я.

Соня кивнула.

Она сидела напротив меня за кухонным столом Риты, обхватив ладонями чашку. Чай давно остыл. Дочь почти не притронулась к пирожкам, которые сама же принесла.

— Мам, я хотела тебе рассказать. Правда хотела.

— Тогда почему не рассказала?

Соня опустила глаза.

— Я боялась, что ты подумаешь, будто мне чего-то не хватало.

Я посмотрела на нее.

Двадцать два года. Уже совсем взрослая. Недавно получила диплом, сама зарабатывала первые деньги, строила планы на работу. А сейчас сидела передо мной с таким виноватым видом, что мне захотелось обнять ее и сказать, чтобы она не переживала.

Но сначала я должна была разобраться.

— Соня, ты ведь всегда знала о Веронике.

— Знала.

— Мы никогда не скрывали, что она твоя родная мать.

— Мам, дело не в этом.

Дочь убрала чашку.

— Я знала, как ее зовут, где она примерно живет, помни-

ла, что она иногда приезжала. Но я почти ничего не знала о ней самой. Понимаешь?

Я молчала.

— Когда я была маленькая, мне казалось, что это неважно. У меня были вы с папой. Потом я выросла и начала думать, почему она ушла. Не вообще из семьи, а от меня.

Соня потерла большим пальцем костяшки другой руки.

— Я долго пыталась представить, что такого могла сделать трехлетняя девочка, чтобы мама больше не захотела с ней жить.

— Сонечка...

— Я понимаю, что это глупо. Сейчас понимаю. Но раньше...

Она замолчала.

Я помнила, как Соня впервые задала мне похожий вопрос.

Ей тогда было семь.

Мы собирались в школу, я заплетала ей косы. Вдруг она спросила:

«А если я буду хорошо учиться, Вероника ко мне приедет?»

Я ответила, что приезд взрослого человека никак не зависит от школьных оценок.

Потом объясняла, что дети не отвечают за решения родителей.

Кажется, мы говорили об этом почти час.

Я думала, что со временем она перестала винить себя.

Оказалось, некоторые вопросы просто научилась не задавать вслух.

— Ты могла поговорить со мной, — сказала я.

— Могла. Но ты бы начала меня успокаивать.

— Разве это плохо?

— Нет. Просто мне нужен был ответ от нее.

Я опустила взгляд.

Дочь была права.

Я могла сколько угодно повторять, что она ни в чем не виновата. Но объяснить, почему Вероника ушла, могла только сама Вероника.

— Как ты ее нашла?

Соня достала телефон.

— Помнишь, у меня была старая открытка от нее? С днем рождения, кажется, когда мне было тринадцать.

— Помню.

— Там была фамилия Ланская. Я нашла ее в сети. Сначала не была уверена, что это она. Потом увидела фотографию с какой-то выставки интерьеров.

Она открыла страницу и повернула ко мне экран.

На фотографии Вероника стояла возле большого деревянного стола. Рядом улыбались несколько человек. На заднем плане были стенды с образцами тканей и декоративных материалов.

Выглядела она почти так же, как на выпускном.

Только волосы были собраны.

— Я несколько дней просто смотрела ее страницу, — продолжила Соня. — Она выкладывала работы, какие-то поездки. Иногда фотографии с друзьями. А про меня ничего.

Она произнесла последние слова спокойно.

Но я заметила, как крепко сжались ее пальцы.

— Потом написала ей.

— Что?

— Спросила, можем ли мы поговорить.

— И она сразу ответила?

— На следующий день.

Соня открыла переписку.

Я не стала брать телефон.

— Можешь рассказать сама?

Дочь посмотрела на меня с благодарностью.

— Она сначала спросила, как я. Где учусь, чем занимаюсь. Потом написала, что очень рада моему сообщению. Мы несколько дней переписывались, а потом она предложила созвониться.

— Ты согласилась?

— Да.

Соня слабо улыбнулась.

— Первый разговор был ужасно неловким. Я вообще не знала, о чем спрашивать. Она тоже. Мы минут десять обсуждали погоду и учебу.

— А потом?

— Потом я спросила, почему она уехала.

Я задержала дыхание.

— Что ответила?

Соня посмотрела на окно.

— Сказала, что была молодой, не справлялась с жизнью в гарнизонах, часто ссорилась с папой. Ей казалось, что она теряет себя. А потом познакомилась с другим мужчиной.

Я слушала.

— Она сказала, что собиралась забрать меня, когда устроится. Но потом поняла, что папа не отдаст, а у нее самой ничего еще нет.

— Она действительно так сказала?

— Да.

Я вспомнила те годы.

Когда мы познакомились с Вадимом, Соня уже жила только с ним. Он рассказывал, что Вероника уехала к другому мужчине и почти сразу устроилась на работу. Позднее присылала деньги нерегулярно, несколько раз обещала приехать.

О попытках забрать дочь он никогда не говорил.

Но я понимала, что знала лишь его версию.

— Сонь, я не могу сказать, что происходило между твоими родителями до нашего знакомства, — произнесла я. — Я там не была.

— Знаю.

— Но ведь она могла приезжать к тебе потом. И звонила не так уж часто.

Соня кивнула.

— Я спросила об этом. Она сказала, что сначала ей было стыдно, потом она думала, что я уже ее не жду. А когда приезжала, видела, что у меня есть ты.

Я невольно откинулась на спинку стула.

— И что?

— Она сказала, что боялась мешать.

Я не смогла сдержать короткого смешка.

Соня подняла глаза.

— Мам...

— Прости.

Я потерла лоб.

— Просто я помню, как ты ждала ее на школьном концерте. Она обещала приехать и не приехала. Ты потом весь вечер плакала.

— Помню.

— Я тогда сама ей звонила.

Соня удивленно посмотрела на меня.

— Ты звонила Веронике?

— Да.

— Что сказала?

Я вспомнила тот разговор.

Вероника ответила не сразу. Голос у нее был усталый. Она объяснила, что не успела на поезд из-за работы, и попросила передать Соне извинения.

Я тогда сказала, что дочь очень ждала ее.

Вероника заплакала и попросила не делать из нее чудовище.

Я не знала, что отвечать.

— Попросила в следующий раз предупреждать заранее, если не сможет приехать, — сказала я дочери.

— И все?

— Еще сказала, что ты ее любишь.

Соня закрыла глаза.

Я потянулась через стол и накрыла ее руку своей.

— Родная, я не хочу сейчас убеждать тебя, что Вероника плохой человек. Вы взрослые люди. Ты сама разберешься, какие отношения у вас могут получиться.

— Но ты ей не веришь.

Я задумалась.

— Я не знаю, чему верить. Я помню то, что происходило у нас дома. А у нее, возможно, остались другие воспоминания. Но некоторые вещи я видела сама.

Соня кивнула.

— Я тоже не всему верю.

Я внимательно посмотрела на дочь.

— Что ты имеешь в виду?

— Она иногда говорит, что очень хотела со мной общаться, но обстоятельства мешали. А я вспоминаю, что у нее был мой номер. Даже когда мы переехали, папа сообщал ей новый. Она могла позвонить.

Дочь сжала губы.

— Просто мне хотелось услышать хоть какое-нибудь объяснение.

Я погладила ее руку.

Некоторое время мы сидели молча.

Потом Соня сказала:

— Она спрашивала про тебя.

Я подняла глаза.

— Когда?

— Еще в декабре. Спросила, какие у нас отношения. Я сказала, что хорошие. Что ты моя мама.

— И что Вероника ответила?

— Сначала ничего. Потом спросила, называю ли я тебя мамой с детства.

Мне стало неприятно.

Я убрала руку со стола, чтобы взять чашку.

— А ты?

— Сказала, что да.

Соня помедлила.

— Мне кажется, ее это задело.

Я смотрела на темную поверхность чая.

— Возможно.

— Мам, я не хотела...

— Сонь, подожди.

Я подняла ладонь.

— Ты можешь рассказывать ей о нашей жизни. Не нужно скрывать, как мы живем и как называем друг друга.

— Хорошо.

— И не надо каждый раз спрашивать, обиделась ли я.

Она улыбнулась совсем немного.

— Ты сама иногда обижаешься и не говоришь.

— Это правда.

Я сделала глоток уже холодного чая.

— Когда ты рассказала папе?

— В декабре. Перед Новым годом.

— Почему ему?

Соня поморщилась.

— Он же ее лучше знает.

Ответ был таким простым, что мне стало неловко за собственный вопрос.

Конечно, Вадим знал Веронику.

Когда-то они были супругами.

У них была общая дочь.

— Я спросила, не будет ли он против, если мы встретимся, — продолжила Соня. — Он сказал, что это хорошая идея. Потом предложил сам поговорить с ней, чтобы все организовать.

— И ты согласилась.

— Да.

Я вспомнила январскую поездку Вадима.

Он говорил, что должен посетить учебный центр в соседней области.

Вернулся в воскресенье вечером. Привез конфеты.

Я тогда обрадовалась, что он успел заехать в магазин, хотя приехал поздно.

— Ты знаешь, когда они впервые встретились? — спросила я.

Соня покачала головой.

— Нет. Папа говорил, что несколько раз звонил ей. Потом они обсуждали, где мы можем встретиться. В феврале я сама ездила туда на один день.

Я подняла голову.

— В феврале?

— Помнишь, я говорила, что встречусь со знакомой по университету?

Я молчала.

Помнила.

Соня тогда прислала фотографии кафе, где обедала. Я еще спросила, вкусный ли там кофе.

— Я ездила к Веронике, — призналась дочь. — Мы гуляли, разговаривали. Потом она проводила меня на вокзал.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

Еще одна ложь.

Небольшая, по сравнению с той, которую рассказывал муж.

Но от этого не менее неприятная.

— Почему ты не сказала, куда едешь?

Соня опустила глаза.

— Боялась, что ты будешь переживать.

— Я все равно переживала. Ты ехала в другой город одна.

— Мам, мне двадцать два.

— Именно поэтому ты могла сказать правду.

Она не ответила.

Я посмотрела на часы.

Было уже поздно.

За дверью тихо прошла Рита. Я услышала, как она открыла холодильник и закрыла его.

Мне захотелось закончить разговор.

Не потому, что я перестала интересоваться.

Просто слишком много нового появилось за эти два дня.

— Соня, я рада, что ты рассказала, — сказала я.

Дочь подняла голову.

— Правда?

— Да. Но мне неприятно, что ты скрывала встречи. И еще неприятнее, что твой отец знал, а я нет.

— Я понимаю.

— Я не собираюсь запрещать тебе общаться с Вероникой. Ты и не нуждаешься в моем разрешении. Только мне хотелось бы, чтобы между нами не было таких тайн.

Соня кивнула.

Потом вдруг спросила:

— Мам, а тебе было бы легче, если бы я вообще ее не искала?

Я посмотрела на нее.

Вопрос был неожиданным.

И неприятно точным.

Мне действительно было бы легче.

Не случилось бы сегодняшнего разговора.

Возможно, Вадим не встретился бы с Вероникой. Не вспомнил бы прежнюю любовь. Не начал бы изменять.

Мы по-прежнему жили бы вместе.

Я преподавала бы в школе, готовила ужины, звонила дочери, обсуждала с мужем отпуск.

Мне захотелось ответить: да.

Но я представила Соню, которая еще десять или двадцать лет продолжала бы спрашивать себя, почему родная мать ее оставила.

— Нет, — сказала я наконец. — Мне бы не хотелось, чтобы ты всю жизнь боялась узнать что-то важное о себе только ради моего спокойствия.

Соня вытерла глаза.

— Спасибо, мам.

Я обняла ее.

Она прижалась ко мне, как в детстве, уткнулась лицом в плечо.

И мне вдруг стало очень страшно.

Не из-за Вероники.

Из-за того, что я не знала, как теперь буду оставаться мамой, если больше не буду женой ее отца.

***

После ухода Сони я долго мыла две чашки.

Рита вошла на кухню, когда я уже протирала стол.
— Ты собралась тут все до блеска отмыть?
— Нет. Просто прибираю.
Подруга посмотрела на чистую раковину.
— Алин, у меня посудомоечная машина.
— Знаю.
— И что?
Я положила полотенце на место.
— Привыкла.
Рита достала из шкафа стакан.
— Поговорили?
— Да.
— Как Соня?
Я села.
— Переживает.
— Неудивительно.
Рита налила воды.
Я помолчала.
— Она сама нашла Веронику.
Подруга посмотрела на меня.
— Когда?
— Еще в ноябре.
— Ого.
Я рассказала ей основное.
Про поиски, переписку, февральскую поездку.
Рита слушала, не перебивая.

— И ты теперь на нее обижаешься? — спросила она, когда я закончила.

— Не знаю.

— Это не очень похоже на ответ.

Я вздохнула.

— Мне обидно, что она доверилась Вадиму, а не мне.

— Он ее родной отец.

— Я тоже ее мама.

— Конечно. Но он знал Веронику раньше. Это ведь логично, что Соня спросила его.

Я провела рукой по лицу.

— Ты права.

Рита села напротив.

— Алин, я сейчас скажу неприятную вещь.

— Говори.

— Ты очень стараешься быть для всех хорошей. Для Вадима, для Сони, для учеников. И когда кто-то принимает решение без тебя, воспринимаешь это так, будто тебя больше не любят.

Я посмотрела на подругу.

— Не всегда.

— Не всегда, — согласилась она. — Но сейчас именно так.

Я молчала.

Рита продолжила:

— Соня тебя любит. Это видно даже мне. Но у нее есть вопросы к родной матери. И ты не можешь ответить на них

вместо Вероники.

— Я понимаю.

— Головой понимаешь. А внутри тебе сейчас хочется, чтобы дочь выбрала тебя.

Мне захотелось возразить.

Сказать, что я никогда не заставляла Соню выбирать.

Что всегда поддерживала ее право на общение с Вероникой.

И это было правдой.

Но одновременно я поймала себя на том, что за последние сутки несколько раз мысленно представляла, как дочь отказывается от встреч с родной матерью.

Не из-за моего требования.

Сама.

Просто потому, что я была ей нужнее.

Мне стало стыдно.

— Наверное, хочется, — призналась я.

Рита кивнула.

— Это понятно. Только не заставляй Соню доказывать любовь таким способом.

Я долго смотрела на стол.

— Знаешь, чего я больше всего боюсь?

— Чего?

— Что у нее теперь появится нормальная семья. Отец, родная мать. Они будут ездить вместе отдыхать, встречать праздники. А я останусь женщиной, которая помогла ее вы-

растить.

Рита поставила стакан.

— Алин, ты действительно считаешь, что девятнадцать лет можно отменить одним семейным ужином?

— Не знаю.

— Тогда вспомни, кому Соня позвонила сегодня. К кому приехала. Кому привезла пирожки.

Я невольно улыбнулась.

— С капустой.

— Вот. Мне бы тоже не помешали.

Я рассмеялась.

Рита встала.

— Все. Давай спать. Завтра едем смотреть твою квартиру.

— Не мою еще.

— Если понравится, будет твоей на ближайшее время.

Она выключила верхний свет на кухне.

Я пошла в комнату.

Перед сном открыла телефон.

От Вадима было короткое сообщение:

«Соня звонила. Очень расстроена. Думаю, нам нужно всем успокоиться».

Я прочитала его и убрала телефон.

Сегодня мне действительно требовалось успокоиться.

Только теперь я собиралась решать сама, когда и о чем разговаривать.

***

Первую квартиру мы посмотрели в половине десятого утра.

Она находилась в старом девятиэтажном доме недалеко от музыкальной школы.

В объявлении было написано: «Уютная, светлая, после косметического ремонта».

На деле обои отходили возле окна, в ванной плохо закрывалась дверь, а холодильник гудел так громко, что разговаривать рядом приходилось почти криком.

— Очень хороший район, — уверяла хозяйка. — До центра десять минут.

Рита открыла шкаф под раковиной.

— А это что?

Хозяйка посмотрела.

— Где?

— Вот здесь. Вода.

— Наверное, кто-то плохо кран закрыл.

Рита молча провела пальцем по влажной трубе.

Мы поблагодарили и ушли.

На улице подруга посмотрела на меня.

— Только не говори, что собиралась согласиться.

— Я еще ничего не сказала.

— У тебя было такое лицо.

— Какое?

— Как будто ты уже придумала, где поставить тапочки.

Я улыбнулась.

— Просто недорого.

— Там через месяц придется менять кухню. Поищем еще.

Вторую квартиру показывал мужчина лет тридцати.

Он сразу предупредил, что собирается продавать жилье, но пока готов сдавать.

— На сколько? — спросила я.

— Ну, месяца на три точно. Потом посмотрим.

Рита посмотрела на меня.

Я покачала головой.

Снова переезжать осенью мне не хотелось.

Третья квартира находилась дальше от школы.

Небольшой пятиэтажный дом, тихий двор, деревья возле подъезда.

Хозяйка, Лариса Петровна, встретила нас у входа.

— Проходите. Я вчера все проветрила.

Квартира была маленькой.

Комната с диваном и невысоким шкафом. Кухня едва вмещала стол на двоих. В ванной стояла стиральная машина, а возле окна в комнате — старый письменный стол.

На подоконнике лежала пачка газет.

Я подошла к окну.

Во дворе росла большая липа. Под ней стояла скамейка, на которой пожилая женщина кормила голубей.

— Здесь тихо? — спросила я.

— В основном да. Соседи спокойные. Только сверху маленький ребенок, иногда бегает.

— Это нормально.

Рита открыла холодильник.

Проверила воду в ванной.

Попросила включить стиральную машину на короткую программу.

Лариса Петровна наблюдала за ней с явным уважением.

— Правильно делаете, что все смотрите. Я сама не люблю, когда потом начинаются неожиданности.

Я прошла в комнату.

Диван был старый, но аккуратный. На полу лежал небольшой ковер. Возле двери стоял торшер.

— А стол останется? — спросила я.

— Конечно. Если мешает, можно убрать.

— Нет, мне как раз нужен.

— Вы дома работаете?

— Иногда готовлюсь к занятиям. Я преподаватель музыки.

Лариса Петровна оживилась.

— У меня внучка на скрипке играет. Уже третий год.

Мы несколько минут говорили о музыкальной школе.

Потом хозяйка показала счетчики, объяснила порядок оплаты и условия аренды.

Цена оказалась немного выше, чем в первой квартире, зато договор можно было заключить на одиннадцать месяцев.

Я еще раз прошла по комнате.

Открыла шкаф.

Посмотрела на кухню.

Мне не понравились занавески и слишком темный ковер.

Но все остальное было вполне пригодным.

— Я хотела бы снять, — сказала я.

Рита подняла брови.

— Уверена?

Я посмотрела на нее.

— Да.

Мы договорились встретиться вечером, чтобы оформить документы и передать деньги.

Когда вышли на улицу, Рита спросила:

— Почему именно эта?

Я посмотрела на окна третьего этажа.

— Там стол хороший.

— Серьезно?

— Мне удобно будет работать. И до школы можно доехать одним автобусом.

— А еще?

Я немного подумала.

— Там никто не будет спрашивать, почему я не приготовила ужин.

Рита остановилась.

Я сама удивилась собственным словам.

Подруга взяла меня под руку.

— Ну вот. Уже веская причина.

Мы пошли к машине.

***

Вечером я подписала договор аренды.

Передала деньги за первый месяц и обеспечительный платеж. Лариса Петровна выдала расписку, показала, как закрывается балконная дверь, и предупредила, что счетчики лучше фотографировать первого числа.

Я записала показания.

Потом получила ключи.

Два обычных ключа на простом металлическом кольце.

Хозяйка попрощалась и ушла.

Я осталась одна.

Посреди чужой комнаты.

Сначала захотелось сразу позвонить Вадиму.

Сказать, что нашла квартиру, сообщить адрес, обсудить, когда перевезем вещи.

За девятнадцать лет я привыкла рассказывать ему обо всех бытовых решениях.

Если покупала новую кастрюлю, Вадим узнавал.

Если меняла расписание, предупреждала.

Если собиралась поехать куда-нибудь в выходные, мы обсуждали дорогу.

Я достала телефон.

Открыла его контакт.

Посмотрела на знакомую фотографию, где он стоял возле машины в темной куртке.

Потом закрыла.

Мне не нужно было согласовывать с ним аренду.

Я сама подписала договор.

Сама заплатила.

Сама выбрала, где буду жить.

Я поставила сумку на диван и открыла окно.

С улицы доносились детские голоса.

На кухне я включила воду, проверила плиту, нашла в шкафу две чашки.

Потом села на стул.

В квартире не было ни одной моей вещи, кроме сумки и документов.

Мне стало одиноко.

Я набрала Риту.

— Ну что? — ответила она. — Уже хозяйка собственного дворца?

— Пока только арендатор.

— Разница небольшая.

— Ты можешь завтра помочь с вещами?

— Конечно. Во сколько?

— После работы. Я еще договорюсь с машиной.

— Давай я на своей отвезу самое необходимое. А остальное потом.

— Спасибо.

— Алин, ты опять.

— Что?

— Благодаришь за каждый пустяк.

Я улыбнулась.

— Ладно. Тогда привези мне завтра еще и кофе.

— Вот это уже правильный разговор.

После звонка я прошла по квартире еще раз.

На кухне было слишком мало места для моего привычного набора посуды.

В комнате отсутствовали книжные полки.

Зато возле окна стоял стол.

Я подошла к нему, села и представила, как буду готовиться к занятиям.

Нужно было составить расписание, разобрать ноты, проверить задания учеников.

Через несколько дней начинались дополнительные занятия.

Я взяла блокнот и записала, что потребуется купить.

Постельное белье.

Полотенца.

Чайник.

Несколько тарелок.

Настольную лампу.

Потом подумала и добавила:

«Цветы».

Мне хотелось поставить что-нибудь живое на подоконник.

Я перечитала список.

Всего несколько простых вещей.

Еще неделю назад я не могла представить, что буду радо-

ваться возможности выбрать собственную чашку.

***

На следующий день я поехала в музыкальную школу.

Рита предлагала взять выходной, но я отказалась.

Мне нужно было закончить расписание летних занятий и забрать несколько папок с нотами.

Тамара Николаевна встретила меня в коридоре.

— Алина Сергеевна, вы сегодня работаете?

— Да. Хотела подготовить материалы.

— Хорошо. Только в большой зал не ходите, там продолжаются работы.

— Помню.

Директор посмотрела на меня внимательнее.

— У вас все в порядке?

Я помолчала.

Не хотелось обсуждать личную жизнь на работе.

Но и придумывать объяснения не было сил.

— У меня сейчас семейные сложности, Тамара Николаевна. Разводимся с мужем.

Она сняла очки.

— Понятно.

Я приготовилась к вопросам.

Но директор только спросила:

— На работе это отразится?

Я подумала.

— Не должно.

— Тогда хорошо. Если потребуется поменять расписание, скажите заранее. Мы подумаем, что можно сделать.

— Спасибо.

— И Алина Сергеевна...

Я остановилась.

— Да?

— Не берите на себя больше занятий только потому, что сейчас хочется быть постоянно занятой. Сначала посмотрите, сколько действительно сможете вести.

Я неожиданно улыбнулась.

— Хорошо.

— Вот и договорились.

В своем классе я открыла окно.

Пианино стояло возле стены, на крышке лежала стопка нот.

На подоконнике кто-то оставил карандаш.

Я села за инструмент.

Несколько минут просто играла знакомые упражнения.

Пальцы слушались хуже обычного.

Я дважды ошиблась в месте, которое знала наизусть.

Остановилась.

Посмотрела на клавиши.

Потом начала снова, медленнее.

На этот раз получилось.

Я отложила ноты и занялась расписанием.

Ближе к полудню спустилась на первый этаж.

Мне нужно было уточнить у рабочих, когда освободят часть коридора возле большого зала. Через него преподаватели обычно водили учеников на репетиции, а теперь приходилось обходить половину здания.

У ограждения стоял Илья.

Он разговаривал с молодым рабочим, показывая что-то на чертеже.

Я остановилась поодаль.

Через минуту Илья заметил меня.

— Добрый день, Алина Сергеевна.

— Здравствуйте.

Он сложил чертеж.

— Опять за панелями пришли?

Я улыбнулась.

— Сегодня за коридором.

— За каким именно?

— За тем, который вы перекрыли.

— Его пока не откроем.

— Даже частично?

— Там переносят материалы. Ученикам лучше обходить через второй этаж.

Я вздохнула.

— Вы понимаете, что с маленькими детьми это неудобно?

— Понимаю. Но если кто-нибудь заденет тяжелую панель, будет гораздо хуже.

Я посмотрела на открытый проход.

Там действительно стояли большие деревянные элементы.

Один рабочий переносил их на специальные подставки.

— Хорошо, — согласилась я. — Тогда хотя бы предупреждение повесьте возле лестницы. А то родители доходят сюда и только потом узнают, что надо возвращаться.

Илья повернулся к рабочему.

— Николай, у нас осталась табличка?

— В подсобке должна быть.

— Повесьте у лестницы, пожалуйста.

Он снова посмотрел на меня.

— Так подойдет?

— Вполне.

— Значит, сегодня мы не поссорились.

Я рассмеялась.

— Я разве с вами ссорилась?

— В мае вы довольно убедительно объяснили, что я мешаю образовательному процессу.

— Потому что вы закрыли дверь и никого не предупредили.

— А потом я принес вам ноты.

— И я сказала спасибо.

Илья кивнул.

— Тогда признаю: спор закончился мирно.

Мне стало легче.

Он был в серой рабочей рубашке с закатанными рукава-

ми. На предплечье виднелась небольшая царапина, возле ног стоял ящик с инструментами.

Я заметила, что он держится немного боком, освобождая проход для людей, которые шли по коридору.

— Вы давно этим занимаетесь? — спросила я.

— Реставрацией?

— Да.

— Больше двадцати лет. Сначала работал в мастерской у отца. Потом открыл свою.

— И вам не надоело?

Он задумался.

— Иногда надоедает спорить о сроках. Сама работа нет.

— Понимаю.

— Вы ведь тоже давно преподаете?

— Почти двадцать лет, если считать разные школы.

— И не надоело?

Я улыбнулась.

— Иногда надоедает объяснять, почему нельзя выучить произведение за один вечер. А сама работа нет.

Илья рассмеялся.

— Значит, у нас похожие проблемы.

Я посмотрела на часы.

До следующего дела оставалось немного времени.

— А почему вы решили восстанавливать старые вещи? — спросила я.

Он пожал плечами.

— Мне нравится, когда хорошая вещь продолжает служить. Но не все можно сохранить. Иногда приходится честно признать, что материал уже не выдержит нагрузки.

Я посмотрела на деревянные панели возле стены.

— А если вещь дорога владельцу?

— Тогда сначала объясняю, что с ней можно сделать. Если человек хочет сохранить даже поврежденную деталь, ищем безопасный вариант. Но обещать, что она станет новой, не буду.

Я кивнула.

— Наверное, правильно.

Илья некоторое время смотрел на меня.

— Вы сегодня выглядите лучше, чем на прошлом совещании.

Я удивилась.

— Правда?

— Да. Тогда вы, кажется, совсем не выспались.

— Сейчас немного лучше.

— Рад слышать.

Он не стал спрашивать почему.

Мне это понравилось.

Многие знакомые, заметив усталый вид, сразу начинали выяснять подробности. Иногда из искренней заботы, иногда просто из любопытства.

Илья спокойно принял ответ.

— Мне пора, — сказала я.

— Конечно.

Я уже собиралась уходить, когда он спросил:

— Вы будете участвовать в открытии зала?

— Наверное. У нас все преподаватели участвуют.

— Значит, услышу, как вы играете.

Я улыбнулась.

— Я чаще слушаю учеников.

— Но сами ведь тоже играете?

— Иногда.

— Тогда надеюсь, получится услышать.

Я вдруг смутилась.

Совершенно неожиданно.

Не от того, что он сказал что-то особенное.

Просто давно никто не интересовался моим исполнением.

Обычно меня спрашивали, как занимается Соня, сколько учеников у меня в классе и почему дети не хотят разбирать гаммы.

— Посмотрим, — ответила я.

Илья кивнул.

Я пошла к лестнице.

На втором пролете оглянулась.

Он уже вернулся к работе.

Я поднялась в кабинет и продолжила разбирать ноты.

Через несколько минут поймала себя на том, что улыбаюсь.

Не потому, что произошло что-то важное.

Просто разговор получился приятным.

И мне захотелось когда-нибудь поговорить с ним еще.

***

В пятницу я перевезла вещи в новую квартиру.

Рита помогла с сумками, постельным бельем и посудой.

Остальное я пока оставила в нашем с Вадимом доме.

Мы заранее договорились, что заберу все позже.

Муж не спорил.

Только прислал длинное сообщение о том, что я тороплю события и нам следовало бы обсудить ситуацию спокойнее.

Я ответила, что готова разговаривать о разводе и имуществе, когда будут конкретные предложения.

Он написал:

«Ты стала очень категоричной».

Я не ответила.

В новой квартире Рита первым делом открыла окна.

— Ну что, здесь хотя бы не пахнет чужими духами.

— Рита!

— Что? Я квартиру оцениваю.

Она поставила пакет с продуктами на кухонный стол.

— Я тебе купила немного еды. Не спорь. Там хлеб, сыр, яйца и помидоры. А то ты опять будешь питаться чаем.

— Спасибо.

— И кофе.

— Я просила кофе.

— Вот именно. Выполняю заказ.

Мы разобрали вещи.

Я застелила диван новым бельем, поставила на кухонную полку две чашки, расставила книги возле письменного стола.

Рита привезла небольшую настольную лампу, которая стояла у нее без дела.

— Временно, — сказала она. — Потом купишь свою.

Я подключила лампу.

Она работала.

— Очень даже хорошая.

— Не начинай. У меня таких две.

Ближе к вечеру подруга собралась домой.

Я проводила ее до двери.

— Ты точно останешься одна?

— Да.

— Могу еще посидеть.

— Рит, ты и так полдня со мной возилась.

— Меня никто не заставлял.

Я улыбнулась.

— Я справлюсь.

Она обняла меня.

— Звони, если что.

После ее ухода я заперла дверь.

Прошла в комнату.

Села на диван.

Тишина была непривычной.

В нашем доме всегда что-нибудь происходило.

Работал телевизор.

Вадим разговаривал по телефону.

На кухне шумела посудомоечная машина.

Даже когда Соня переехала, у нас оставались ее вещи, фотографии, привычные семейные мелочи.

Здесь ничего этого не было.

Я включила чайник.

Достала из пакета сыр, отрезала кусочек хлеба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.